

ИСТИНА

и правда

Рейс мира

*Русский бард
Елена Фролова*

*Светоносные
искусницы*

*Сказки
Честертона*

3
2002

ПОРТРЕТ
В ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ
ИНТЕРЬЕРЕ

Удивительные орнаменты
и образы – по шёлку
золотом и серебром –
вышивали Марьи-искусницы
в тишине боярских светлиц,
вплетая в ткань свою
молитвенную энергию
и теплоту.
Не такова ли во все времена
сама женщина, таящая
светоносную силу любви?
Душа живёт
и дышит, мерцает
и переливается в её слезе
и улыбке, в её добрых
творениях – в производстве
искусства, в обыденной
работе, в рождённом
ребёнке.
По шёлку золотом
и серебром...

«Истина и Жизнь»
Ежемесячный журнал
о человеке, духовности,
культуре

Журнал зарегистрирован
Министерством РФ по делам печати,
телерадиовещания и средств
массовых коммуникаций
2 мая 2000 года
ПИ №77-3424
Учредитель
Александр Хмельницкий
ISSN 0869-835X

Редационный совет

Эдуард Бутенко
Леонид Василенко
Екатерина Гениева
Тамара Жирмунская
Владимир Илюшенко
Пётр Сахаров
Наталья Трауберг
Сергей Филатов
Ольга Чайковская
свящ. Георгий Чистяков
Александр Щипков
Ирина Языкова

Главный редактор
Александр Хмельницкий

Ответственный секретарь
Наталья Боброва

Редакторы
Алла Калмыкова
Евгения Березина

Арт-директор
Сергей Серов

Вёрстка и цветоделение
Николай Смирнов

Адрес редакции
Москва, 9-я Парковая, 37–409

Для корреспонденции
105215 Москва, а/я 38

Телефон
(095) 965 0007

E-mail
istina@aha.ru

WWW
www.istina.net

Отпечатано в типографии
Благотворительного центра
«Путь, Истина и Жизнь»
(095) 742 7807

Директор
Владимир Юликов

Зам. директора
Алексей Клещёв

Печать
Константин Анисимов,
Алексей Костромин

Редакция благодарит
ретроцентр «Делай вывод»
и лично Сергея Сироту
за изготовление
цветоделённых диапозитивов

Тираж 2500 экз.

В розницу цена свободная

Точка зрения авторов
не обязательно совпадает
с мнением редакции

© «Истина и Жизнь», 2002

С МОЛИТВОЙ О МИРЕ

Алла Калмыкова

«Чтобы я любил, где ненавидят» 2

ПРЕКРАСНОЕ МГНОВЕНЬЕ

Ксения Никольская

За счастьем в Терebene 12

РУССКИЙ БАРД

Наталья Савельева

По вольному следу воды родниковой 16

ПРИЗВАНИЕ

Инга Сидорова

На солнце и в тени 20

ДУХОВНЫЙ ИСТОК

Священник Георгий Чистяков

Четвёртая книга Моисеева.
Числа (продолжение) 26

ВСЕМИРНОЕ НАСЛЕДИЕ

Архимандрит Августин (Никитин)

В аргентинской Кордове 30

ТРАДИЦИЯ

Марина Сущенко

Лицевое шитьё: вчера, сегодня, завтра 34

РЯДОМ С НАМИ

Галина Клюковкина

Кошки и люди 42

ИЗ НОВОЙ КНИГИ

Гилберт Кийт Честертон

Разноцветные страны 48

ПОЭТИЧЕСКИЙ ГОЛОС

Григорий Корин

В одном объёте 51

ХРИСТИАНСКОЕ ИСКУССТВО

Владимир Соколовский

Арнольд Шёнберг – живописец 54

«ЧТОБЫ Я ЛЮБИЛ, ГДЕ НЕ НАВИДЯТ»

Алла Калмыкова

«Дальнейшее — молчанье»?

С поезда Назрань — Москва приедем человеку деться некуда, кроме как в единственную вокзальную дверь: остальные выходы в город наглухо перекрыты милицией. В зале ожидания стульями выгорожен коридор; в начале его — проверка паспортов и багажа, в конце — рентгеновская арка, как в аэропортах и особо уважающих себя местах, вроде Госдумы. Встречающиеся маются по ту сторону мёртвой зоны.

На этот раз шмон был жёстче, чем полгода назад. Много багажа — морока, мало — подозрительно. Мою полупустую сумку прокопали до дна. Ну где им догадаться, что главную контрабанду надежнее всего нести в сердце?..

...Нам с Таней Юхненко было куда торопиться. Заехали домой, бросили сумки — и в храм, грузить учебники, собранные для чеченских школ: около трёх тысяч книг. А потом — к Дому архитекторов, где именно на сегодня, 17 января, был назначен митинг-концерт и где книги предстояло перегрузить в трейлер, вечером отправлявшийся в Чечню.

Идея «Рейса мира» родилась на Урале, в переселенческих организациях Свердловской области. Нашли 20-тонник, чтобы собирать гуманитарную помощь в каждом из десяти городов России, лежащих на пути длиной в 4500 км. В Назрани и Грозном одежду, школьные принадлежности, книги, игрушки, лекарства предстояло передать

нуждающимся детям. Все заботы о «Рейсе мира» взяли на себя Форум переселенческих организаций, возглавляемый журналисткой Лидией Графовой, общественные и правозащитные организации, Институт «Открытое общество» оказал финансовую поддерж-

ку. Главное же, чего хотели достичь инициаторы акции, — пробудить в россиянах, очерстевших и даже ожесточившихся в немилосердной нашей повседневности — «мятке, где формируют социум» (М. Кудимова), желание понять и принять людей другой нации,

культуры и веры, проявить к ним деятельное сострадание.

Но сегодня речь пойдёт не о минном «поле чудес», на котором растут деньги, не об игроках кровавого казино, как обозначила происходящее журналистка З. Эльдерханова, и уж точно не о том, «кто

первый начал». Речь — о тех 148 тысячах беженцев в Ингушетии, чьи драные, третий год терзаемые всеми ветрами, за считанные минуты сгорающие дотла палатки, однажды увиденные, сняты ночью и не дают жить «для себя». О грозненцах, которые ходят в разбитые школы и институты, латают пробоины от снарядов в стенах своих квартир, торгуют чем придётся, возят пассажиров в допотопных автобусах, платя оброк каждому блок-посту, влюбляются и женятся, рожают детей и хоронят мёртвых, и живут — вопреки...

В 13 беженских поселений на территории Ингушетии и в 6 школ Грозного доставил «Рейс мира» более 30 тонн гуманитарного груза. Около 2000 курток, 1000 пар детских сапожек и другие вещи были распределены по спискам и переданы из рук в руки детям-сиротам, инвалидам, особо

Урок толерантности в московской школе

нуждающимся в помощи. Более 500 детей, приглашённых на митинг-концерт в уцелевший ДК «Оргтехника» Старопромысловского района, получили подарки и письма от детей из разных городов России. Как раз когда готовилась эта статья, пришло письмо из Грозного, от Бислана Хажуева; с ним и его матерью мы познакомились полгода назад в поезде. «Из школы, — пишет Бислан, — собрали сирот и повезли в Оргтехнику, там зал большой с рядами стульев. И туда приехала бла-

Детский сад в палаточном лагере

готворительная акция РЕЙС МИРА. Они давали подарки всем. Они тоже помогали, как и вы».

«Рейс мира» сделал очевидным: не иссякла в нас энергия добра. Стоило горстке совестливых и неравнодушных затеять благое дело — и тысячи людей отозвались, так что 20-тонного трейлера не хватило и пришлось срочно искать ещё одну машину.

Ингушетия. Станица Слепцовская. Палаточный лагерь «Спутник»

Однако «рейс» — разовая акция. Она прошла успешно, но завтра о ней забудут. И что же, всё вернётся на круги своя? Не напрасно ли и мы, христиане, ездим в Ингушетию и в Грозный? Разве мешки и коробки, которые способны утащить на себе

две-три женщины (а мужчинам туда лучше не соваться), решат проблемы тысяч обнищавших, оголодавших, изверившихся людей? Это ли не капля в море?

Для себя мы давно нашли ответ. Дело не в гуманитарной помощи, хотя она безусловно необходима. Им нужны наша любовь, наше сострадание, просто присутствие рядом с ними. Ещё нужнее это всем нам. Наше свидетельство там о Христе любящем — безмолвно. Наше свидетельство здесь о Сыне Человеческом распинаемом пусть говорит их голосами.

Свидетельствуют дети

Прошлым летом, приехав в Ингушетию, мы попросили детей-беженцев, учащихся школы «Омега-4» в палаточном лагере «Бэлла», написать сочинения или письма, чтобы мы могли прочитать их московским школьникам на уроках толерантности. Вот отрывки из нескольких сочинений.

«Я живу в палаточном городке “Бэлла”. Мы всей семьёй приехали сюда из г. Грозного. Здесь для больших и маленьких ребят построили школу, но наша школа была ещё красивей. Я хотел бы, чтобы война кончилась и чтобы я продолжил свою учёбу в родном городе. И ещё я хотел бы, чтобы все люди этого мира объединились с тремя целями —

жить вместе, любить всех и дружить со всеми» (*Шамхан Дахиукаев, 7 класс*).

«...Хотя мы ещё маленькие, но мы всё уже знаем, потому что прошли через две войны. Наши дети видели всё, и мёртвых людей, даже ещё хуже... И сейчас выйдешь из палатки — и увидишь парней, девушек без рук или без ног. Сразу становится плохо...» (*Луиза Киндарова, 7 класс*).

«...Как хорошо и счастливо жили мы до войны!.. В нашем городе везде было очень много разных и красивых цветов. А ты попробуй бросить на асфальт кусочек бумаги! Попробуй тронуть один цветок! Так было кругом чисто. А сейчас — только одни мусорные свалки. Никогда мы не думали, что такое может случиться, но пришлось пережить...» (*Зура Юнусова, 7 класс*).

«В Грозном, напротив школы № 48, в которой я училась до войны, был красивый парк. Там нам всем особенно нравилось одно дерево — плакучая ива. А недавно мне сказали, что от него не осталось почти ничего, как и от всего парка.

Иногда мне кажется, что я становлюсь похожей на молодую старушку... Сомневаюсь, что у несчастных родителей могут быть счастливые дети, а наши родители глубоко несчастливы» (*Сацита Саисова, 9 класс*).

«Мне 16 лет. В 1994 году, когда началась первая война, я учился в 3-м классе. В новой средней школе. Но пришла война, и мир стал страшным, жестоким и несправедливым. Начали бомбить с самолётов школы, больницы и наши дома.

В январе 1995 года разбомбили и наш дом, где мы жили: я, младшая сестрёнка

и братик. Мы вынуждены были бежать от этих бомбёжек и обстрелов. Но по дорогам ездить было опасно. Повсюду лежали самолёты и бомбили ехавшие машины. Мне казалось тогда, что люди не знают, что делают их самолёты, танки, ракеты. Я думал, что если узнает президент, то война кончится.

Прожив несколько месяцев в Дагестане у знакомых, мы вернулись в Грозный. Мы поселились у дяди — у него сохранилась одна комната. Но постоянные обстрелы не кончались, нельзя было выходить на улицу. Обстрелы сильно пугали мою сестрёнку.

Наконец в 1996 году начались переговоры, и война остановилась. Но, оказалось, ненадолго. И вновь появились самолёты и начали бомбить. И началось всё снова, но гораздо жесточе.

Горели дома. На дорогах разбитые машины. Убитые люди: дети, старики, молодые. Мы бежали в Ингушетию, второй год живём в палатке и не видим этого конца. Комнату нашу сожгли, у нас ничего не осталось.

Я прошу всех детей России сказать своим родителям, чтоб они попросили президента остановить войну.

Это моя большая-большая просьба ко всем детям России.

Услышьте нас» (*Ислам Батукаев, 9 класс*).

Ислам по интуиции указал точный адресат: дети. Они услышат. Может, взрослые, хотя вера в разумность и надёжность сильных мужчин подорвана («Начали бомбить школы, больницы... люди не знают, что делают...»). Жить в безопасном пространстве, лишённом

фундамента и прочных стен, ребёнок не может. Он или дичает, или до времени старится — именно об этом написала девочка Сацита. Поэтому, помогая беженцам, мы в первую очередь думаем о детях, об их душах. А чтобы душа ребёнка исцелилась, оттаяла, вновь поверила в добро, нет ничего лучше, чем просто быть с ним рядом и любить его.

Когда в конце ноября прошлого года десять ребят из ансамбля «Кавказ» приехали в Москву, чтобы принять участие в Первом Всероссийском фестивале одарённых детей мигрантов, прихожане храма Свв. Космы и Дамиана разобрали их по домам. Шесть дней они жили в тёплых квартирах с ванной (после палаток это казалось раем), общались с нашими детьми, осваивали метро и компьютер, сходили в зоопарк, «Макдональдс», на Красную площадь. Среди участников фестиваля были дети вынужденных переселенцев из Нагорного Карабаха, Казахстана, Азербайджана, Прибалтики и других мест. Все они, худо-бедно, уже обрели крышу над головой, обуты-одеты, не голодают, многие приехали с родителями. И только «наши» живут в палатках, одеты кто во что горазд, а одному мальчику для поездки в Москву пришлось взять куртку займы.

Чтобы познакомиться поближе, я попросила моих гостей рассказать о себе. Вот одна из историй, вполне типичная и, можно считать, даже благополучная.

15-летний Джабраил Таубулатов жил в Октябрьском районе Грозного, в частном доме. Через неделю после того, как

семья, погрузив в прицеп легковушки самые необходимые вещи, покинула город, дом был разрушен.

— 20 октября 1999 года мы выехали в село Гойты, — рассказывает Джабраил, — отсюда 1 декабря уехали в Ингушетию. Село ночью обстреляли. Недалеко от меня падали снаряды. Я был позади сарая из саманных блоков: осколки не проходят через стену. Остался жив.

Увожу разговор в другую сторону, спрашиваю, чем занимался отец до войны.

— Мне кажется, его жизнь заставила всему научиться. И плотником он был, и сварщик он, и костоправ, и стекольщик, он теперь всё умеет. Брат ему помогает, двери, окна ставит, полы делает.

— А сестра?

— Она в колледже училась до этой войны. К сожалению, теперь не учится. Она круглая отличница была, мы надеялись, что красный диплом получит. Мой брат тоже на «отлично» учился. Это я оказался чуть-чуть лентяй... У нас все теперь стремятся к учёбе. Ведь если так будет продолжаться, то будет худо. У нас, кто не пострадал от бомбёжек, тот морально болен. Сердцем...

И это речи подростка? Да есть ли такая тема для разговора, когда можно не бояться причинить боль?

— У вас палатка холодная?
— Конечно. Тряпочная.
— Рваная?
— Да. Каждый ветер по чуть-чуть рвёт, рвёт, рвёт...

— Как же вы спите, в такую-то погоду?
— Печка там, газ. Вот что странно: когда холодно, газ отключается. Каждый раз. Наверное, газопровод не рассчитан на все эти палатки... Всё, что есть тёплого, на него ставим надеваем — и спим. Я в ноябре здорово болел — температура 40–41...
— Лекарства были?

— У нас мазь была и аспирин. И всё. Лекарств нет. А в больницу идти — бешеные деньги берут.

Разумеется, дети болеют. Нет условий лечиться, а здоровым быть — нет тем более. Спрашиваю, как беженцы питаются.

— Мясо — иногда, сладкое тоже. Некоторые только (кто работает) позволяют себе мясо купить... Даже картошку, лук не всегда могут.

И при всём при этом дети ещё танцуют. Непостижимо! Откуда силы-то берутся?

— Какое у тебя бывает ощущение, когда ты танцуешь?

— Просто веселье, вдохновение.

— Ты чувствуешь себя свободным человеком?

— Да... Но когда я мирных людей вижу — там, где нет войны, — мне становится грустно, сразу вспоминаю свой город. Бывший то есть...

— Ты танцем хочешь что-то сказать людям или просто танцуешь для себя?

— Нет, первый вариант.

— А о чём ты им хочешь рассказать?

— О культуре нашей, что мы не террористы, как думают некоторые.

— Чего бы ты хотел пожелать своим русским сверстникам?

— Чтобы они никогда не видели жестокости, не видели войны...

Бислан, чьё письмо из Грозного пришло так кстати, — очень открытый, улыбчивый, расположенный к общению маль-

чик. Мы подружились, много гуляли по летнему городу, и так не хотелось отпустить их с матерью назад, в дом, куда воду таскают на этажи вёдрами, где обогреваются «буржуйками» и газом, если он есть, где долго жили без света, и лишь недавно дали электричество...

Свидетельствуют взрослые

Султан Хатуев родился в Казахстане, в депортации. Окончил хореографическое отделение Чечено-Ингушского культпросветучилища, заочно — Краснодарский институт культуры. Служил в Афганистане, в Кандагаре, авиационным техником. Получил орден Красной Звезды, за то, что обслуживаемые им вертолёты полтора года летали без аварий и все лётчики остались живы (интересно, дают на чеченской войне ордена

В Грозном

Султана забрали. Его жизнь и свободу оценили в пять миллионов рублей (тех денег), одного барака и ящик водки.

Когда началась вторая война, Султана подумал: «Если опять возьмут, не выдержу», — и уехал в Ингушетию.

— Конечно, в палаточном лагере тяжело. Зато, слава Богу, не слышишь ни гула самолётов, ни обстрелов. Самое главное — дети войну не видят. Старший сын во второй класс ходил, когда война началась. Он видел, как меня забирали. Сосед потом рассказывал, что он от испуга убежал из дому и неделю прятался на нефтеперерабатывающем заводе, боялся вернуться: раз отца забрали, его тоже забрать могут. Мать его искала, не могла найти, пока сам ночью не пришёл...

Мысль заняться с детьми танцем возникла у Султана ещё в 99-м году, когда беженцы жили в железнодорожных вагонах в Карабулаке.

— Я видел, как холодные, голодные, босые дети ходят без дела — тогда не

за сохранённые жизни?). 20 лет Султан работал артистом балета в Государственном ансамбле танца «Вайнах», полтора года — у Эсамбаева. Сейчас заслуженный артист Чеченской Республики С. Хатуев руководит детским ансамблем «Кавказ», который сам и создал. Дома у него нет: Заводской район Грозного, где жила его семья, превращён в руины. Султан с женой и тремя детьми обитает в палаточном лагере «Балла» близ станции Слещповской.

В январе 1995-го (он только что вернулся с гастролей) подъехали два БТРа, 20–30 человек в масках оцепили дом, и

ду всего год, получил звание лауреата. Это была первая победа, впервые испытанное счастье творческой удачи. Когда на заключительном концерте, проходившем в Государственном музее А. С. Пушкина, они вышли на сцену в своих чёрных черкесках и белых папахах, когда, сбросив с плеч бурку, легко и страстно полетел на носках солист Магомед Абиев, а за ним и остальные джигиты, зал

было ни школы, ничего. Многие хулиганить начали: отдирали от вагонов металлические детали, продавали; матери не знали, как с ними справиться. Решил их собрать, создать коллектив. Нам построили маленькую школу — так, сарайчик, но там можно было заниматься. Дети сначала не хотели, они уже отвыкли от культуры. А когда я объяснил, что мы будем ездить на гастролы (я сказал: поедет в Сочи, на море), — им это понравилось. Они, наверное, думали, что уже завтра поедут. Вот так и стали заниматься.

Потом Ахмад Сарим-Султанов, президент Фонда «Милосердие — детям», предложил вывезти ребят на побережье Чёрного моря, делать там программу и одновременно лечить их. Дети больные были, конечно: и с психическими отклонениями, и с хроническими заболеваниями позвоночника, почек, сердца. Мы заключили договор и в 2000 году в первый раз поехали в Дагомыс, в санаторий им. Семашко. За три месяца, с октября по декабрь, мы с моими товарищами-педагогами создали программу для коллектива. Бислан Мурзаев, музыкальный руководитель (он поёт пре-

красно, играет на гитаре), стал заниматься с детьми вокалом, а мы с Гапуром Темирхаджиевым (сейчас он в «Вайнахе» работает) взялись за хореографию. Так и создали программу, где есть и песни, и стихи, и танцы, в которых дети выражают протест против войны, свою мечту о мире. Уже через месяц мы выступили по телевидению, хотя у нас ещё не было костюмов, и на первом концерте ребята танцевали босиком.

Затем были поездки в Нальчик, в Кисловодск, а прошлым летом — в Красноярский край, по приглашению губернатора А. Лебеда, где мы пробыли больше месяца. Там нас хорошо встретили: мы жили в самом лучшем лагере «Таёжный», в Красноярске дали три или четыре концерта, 16–17 — по Красноярскому краю. Администрация губернатора сделала детям прекрасные подарки.

На Фестивале одарённых детей мигрантов, выдержав нешуточную конкуренцию, ансамбль «Кавказ», которому от ро-

встал и, хлопая в такт барабану, стал скандировать: «Мо-лод-цы!»

Потом прямо в костюмах дети сели в автобус, и их повезли в Киноцентр, на премьеру документальной ленты «Ночичи* — дети Ноя», снятой журналисткой Александрой Альбовой в палаточных лагерях, и живые герои фильма вновь танцевали, а публика никак не хотела их отпускать...

В день отъезда «на ура» прошёл урок толерантности в московской школе № 1265: если и были между детьми какие-то барьеры, они рухнули, как картонный домик. Эта школа собрала потом для «Рейса мира» десятка полтора больших коробок со школьными принадлежностями и всем, что нужно для рисования.

Какова же была радость родителей, когда они узнали, что дети их вернулись лауреатами, да ещё привезли первые в своей жизни денежные премии! На эти деньги, по московским меркам символические, семья беженцев может прожить месяц. Есть у ребят и такая мечта: они хотят научиться зарабатывать, чтобы помогать другим нуждающимся детям. Кое-кто, правда, не утерпел: купил в поезде мороженое. А вот Анзор Сааев, всеобщий любимец, не истратил ни единой копейки. Он не танцует, зато как поёт! В семье певца и композитора Супьяна Сааева четверо детей, Анзор — единственный мальчик, опора и надежда отца. Что же должен был пережить этот человек, когда его сын подорвался на растяжке, так что отцу пришлось собирать его внутренности? Анзора чудом спасли врачи, но

Султан Хатуев

теперь ему необходима целая серия операций: в теле мальчика осталось семнадцать осколков. На операцию нужны деньги. Разумеется, мы постараемся помочь Анзору.

Слово опять Султану Хатуеву:

— Быстрее бы кончилось всё это. Я бы согласен на улице ночевать, лишь бы вернуться домой. Чтобы мы могли устроить, как раньше, свою жизнь, работать, учиться. Я надеюсь на Всевышнего...

Надеемся и мы. Но если будем только надеяться и ждать, что случится чудо и

кто-то всё поправит, однажды рискуем услышать: «Отойдите, Я не знаю вас».

Как стать звездой

И вот мы в Грозном. Вечером у нас — встреча с директором школы № 14 Ленинского района. Мимо школы мы проходили днём — и впервые порадовались: тепло-розовое на белом снегу здание стоит как новое, хотя из окон, если зайти с тыла, торчат трубы «буржук». У входа нарядно зеленеют сосны, дорожка расчищена. Завтра — конец каникул, в школу придут дети.

Перед нашим отъездом из Москвы Л. Графова попросила на всякий случай присмотреть в городе зал на 200–300 мест, где можно провести заключительную встречу «Рейса мира», и ещё — раздобыть списки сирот, чтобы помочь детям была адресной. Посовещавшись, мы решили не тратить времени на чиновников из Министерств просвещения и здравоохранения, тем более что оказались в Грозном в выходные, а времени было в обрез. И правильно решили — вернее, Кто-то всё решил за нас. Чиновники не подкачали, нашли зал на 500 человек. А мы, едва выйдя утром из дому и молясь на ходу о том, чтобы Господь привёл нас в нужное место к нужным людям, столкнулись на протоптанной в снегу тропинке с Елизаветой Абухасановной Давлетмурзаевой и, узнав, что она директор школы, договорились о встрече.

Чуть ли не с порога она просит называть её просто Лизой, извиняется за беспорядок — в квартире ремонт. Мы рассказываем о «Рейсе мира», об уроках толерантности, передаём письменные принадлежности для школы, воздушные шары и мягкие игрушки, которые можно использовать для призов ребятам, показываем фотографии. Та-ня поясняет:

Дети из танцевального ансамбля

— Это московские дети собирают для ваших школ учебники, их привезёт «Рейс мира». А вот наши ребята рисуют; посмотрите, что написано на обороте. Если вам это поможет, оставьте для стенда какого-нибудь.

— Конечно, поможет, — говорит Лиза, — дети должны знать, что не все в России против чеченцев. — Она переворачивает рисунок, читает: «Русские тоже хотят мира». — Вот молодцы, умницы!.. Я сама родилась и выросла в Казахстане, в депортации, среди немцев, русских, уйгуров, и нас родители учили дружить со всеми. Мы и не задумывались тогда, кто какой нации. В школе сейчас 7–8 русских учителей, и мы как одна семья... Вот будет у нас еженедельная линейка, там и можно об этом поговорить.

— Эти игрушки, хоть и не новые, ценны не тем, что русский ребёнок отдал своего родного мишку или зайца, а тем, что отдал именно чеченскому ребёнку.

— Мы так и объясним. А насчёт зала можете передать: если нужно, я приму гостей. Ведь и городская, и республиканская учительские конференции в августе именно у нас в школе проводились. И список сирот вам подготовлю к завтрашнему утру.

Школа № 14 — единственная восстановленная школа в Грозном. Как же удалось Лизе поднять её? Может быть, она не так сильно пострадала?

— Я думала, её невозможно восстановить, — в таком она была ужасном состоянии. Глубинными бомбами пробито огромные дыры в крыше, на третьем этаже ни в одном классе нельзя было заниматься. В другом крыле плиты со второго этажа упали на первый. Мебель: столы и стулья — всё было разбито. Я вернулась в город в марте 2000-го, и уже 10 числа мы, начав со двора, стали расчищать завалы. Думаю, хоть первый этаж, но откроем, детей без школы не оставим. Вот так, на энтузиазме, и открыли. В апреле и мае уже учились, и к нам стали ходить дети из 7-й, 15-й, 48-й школ, потому что наша была единственная в районе, а на весь город таких оказалось две.

Единственная в Грозном восстановленная школа № 14

день их собрали, поставили. Они говорят: «Вы знаете, наш генерал любит, чтобы занавеси были...» «Будут», — обещаю. На другой день женщину отправляю на базар в Хасавюрт. Она привозит тюль, мы за ночь его подшиваем, вешаем. Приезжают 2-го числа — есть

Елизавета Давлетмурзаева, директор школы № 14 (слева)

Восстановить школу помогли чехи: благотворительная организация «Человек в беде». Началось с того, что всем школам Грозного они привезли плёнку для окон — Лиза тут же использовала её по назначению. Привезли тапочки и майки — каждый ребёнок получил своё, ничего не пропало. Так было далеко не везде.

— Потом чехи как-то заикнулись, — продолжает Лиза, — что, возможно, помогут отремонтировать одну из школ. И я попросила взять мою, ведь Ленинский район большой, у нас детей много. Чехи поехали по школам, посмотрели — и приняли решение. Ремонт вёлся полностью на их средства, а рабочие были наши, местные. Им вовремя платили зарплату, давали гуманитарную помощь. Они старались... И вот теперь из правительства кто-нибудь приезжает — ко мне везут, из министерства — тоже сюда. Показать-то больше нечего. А у нас на начало этого учебного года было 1124 ребёнка, художественный кружок работает, кабинеты прекрасно оформлены. Я теперь вроде кинозвезды стала: по ОРТ, по чеченскому телевидению показывали. Неудобно даже.

— Так, может, школе с этого что-то лишнее раз перепадёт?

— 30 августа увидел нас по телевизору Рахмонов и распорядился: «Этой школе подарить математический кабинет». Из Ханкалы примчались на БТРах военные, говорят: «6 сентября приедет генерал, а мы заранее привезём мебель: вам математический кабинет дарят». Ой, я так обрадовалась! И действительно, привезли столы, мы за

занавеси. «Вот молодец! Теперь генерал будет доволен». 6-го числа оцепили школу, охрану поставили, заводят генерала. Ну, я, конечно, ему подарок купила — саблю с коньяком, стол накрыла. Они чуть-чуть перекусили: «Нас вертолёт ждёт, извините, некогда...» Теперь у нас отличный математический кабинет: таблицы привезли, учительский стол, мягкий стул, магнитофон, а детям — тетради, альбомы, ручки, прописки для первоклассников. Всё это я первым делом сиротам раздаю, потом инвалидам, малообеспеченным, а остаток — уже на усмотрение учителя. Но вот когда мэрия и департамент образования поощряли денежными премиями по одному учителю от каждой школы, моих не включили. А ведь я после ремонта всех из отпуска отозвала, и мы, ползая на коленях, отдраивали краску с пола, готовились принять конференцию. Мне до слёз было обидно — я так и сказала заместителю министра В. Болотину. Ну, и стала плохая кое для ко-

го в городе: «Лиза видит только свою школу, своих учителей».

Уже десять лет у Лизы такой вот дефект зрения. И готовность ради детей хоть пол драить, хоть саблю генералу дарить (по правде говоря, заслужил-то её Рахмонов, но таков уж кавказский обычай гостеприимства). Может, потому и школа у неё особая, и сама она телезвездой стала? К слову сказать, за день до нашей встречи приехал министр образования и наградил Елизавету Абухасановну Давлетмурзаеву почётной медалью. Значит, опять её будут по телевизору показывать.

Тихое воинство архистратига

Летом в грозненский православный храм мы не попали. Объяснили солдату-охраннику, что из Москвы, что привезли Евангелия и икону для прихожан, хотели бы встретиться с батюшкой.

— Нету его, уехал, — не стал вдаваться в подробности парень. Передать подарки он отказался: — Вы же понимаете, не могу я у вас ничего взять.

Мы поняли. Перекрестились на руины и уехали.

К счастью, на другой день в 20-й школе встретилась нам женщина по имени Татьяна, прихожанка храма. От неё мы узнали, что о. Игорь Шевченко в отпуске и отправился в паломничество в Святую Землю, что Евангелия и лампадное масло очень нужны, а об иконе «Троеручица», которую мы привезли, они давно мечтали — в храме нет такой. (Если кто не знает — по преданию, Божия Мать услышала молитвы Иоанна Дамаскина, у которого отсекли руку за проповедь Христа мусульманам, и рука его вновь приросла к телу; в благодарность он прикрепил к

Новогодний праздник в школе № 14

У входа в храм Михаила Архангела в Грозном

иконе Богородицы маленькую руку, сделанную из серебра. Видно, Сама Владычица надоумила нас, что в Грозном такая икона необходима.)

На этот раз мы приехали в храм воскресным утром. Ворота были не закрыты. Миновав краснокирпичный остов церкви, пошли к стоящему в глубине

двора зданию, поднялись на крыльцо. В притворе толкалась кучка ребятшек, двое солдат в камуфляже сидели, переговариваясь, возле окошка, в углу на газовой плите грелась вода, и женщина в вязаной шапочке по-домашнему шинковала капусту для щей. Мы поздоровались и вошли в церковь. Народу было много: в основном пожилые женщины, но и молодые, и мужчины. Прямо против двери, на южной стене, висела наша «Троеручица», и от этого сразу сделалось тепло сердцу.

Батюшки не было. Две женщины у аналоя пели псалом, прихожане негромко вторили. Всё шло две тысячи лет назад заведённым порядком, и те, кто нацеливал орудия на купол

храма, были бессильны этот порядок отменить. Христиане хранили его, служа на гробах мучеников в римских катакомбах, в лепрозориях и чумных бараках, на тюремных завшивленных шконках, на камне в соловецком лесу, и не смели, подобно Михаилу Архангелу, «произнести укориженного суда» над мучителями, а

только шептали, как небесный архистратиг диаволу: «Да запретит тебе Господь» (см. Дан 10. 9–10), – и вновь молились. Вот и вся брань...

Мы вышли в притвор. Женщина, хозяйничавшая у плиты, оказалась председателем приходского сове-

Татьяна Юхненко с сестрой Антониной, председателем приходского совета

та, назвалась сестрой Антониной. Представились и мы: такие-то, из Москвы, из храма. «Козьмы и Демьяна?» – догадалась она. Отдали ей собранные для них пожертвования, карманные Евангелия, расспросили об отце Игоре, о приходе и его нуждах. Батюшка хворает, уехал в Наур, в больницу. На Рождество сто человек на службу собралось, приход не уменьшается, наоборот: приходят новые люди. Детишек (их пятнадцать) и стариков подкармливают; наезжает иной раз кто-нибудь из журналистов, что-нибудь да привозит. Вот недавно богослужебные календари подарили, только они для священников, а нужны бы для прихожан. И свечек побольше.

Мы записали в журнале у охранников имя человека, который дол-

* Нохчи – чеченцы.

Название статьи – слова из молитвы св. Франциска, перевод Н. Трауберг.

жен подвезти на машине оставленные у него коробки и мешки с одеждой, обувью и другими нужными здесь вещами, сфотографировались на прощанье с Антониной и детьми, поклонились Божьему дому и заспешили на автовокзал. Наш путь лежал назад, в Ингушетию: от поющего за стенами храма тихого воинства – к палаткам, где спасаются от потопа «нохчи – дети Ноя». †

В храме Михаила Архангела в Грозном

Сентябрь. Утро. Из Петербурга на юг по Киевскому шоссе мчится микроавтобус, набитый людьми. В автобусе полно вещей: сумки, коробки и даже кастрюля, она стоит на полу, зажатая между ногами пассажиров и ножками сиденья. На ухабах автобус подпрыгивает, и от удара крышка тоже подпрыгивает и, ударившись, издаёт весёлый лязг.

За окном мелькают дорожные указатели: Гатчина, Выра... До места назначения ещё далеко. Сперва нужно добраться до Пскова, затем ещё два часа до Опочки, а потом ещё час до Теребени. Всего семь часов езды. Пассажиры это не пугает. Время от времени в автобусе обмениваются весёлыми репликами, смеются. Все ждут чего-то важного, но

приятного. Невеста, её родители, сёстры, друзья семьи едут на венчание в маленькую деревню Теребени, что затерялась в псковских дачах где-то посередине между Новоржевом и Опочкой (или Опочкой — ударение на первый слог, как её иногда ласково называют).

Несколькими часами позже в том же направлении, но уже из Москвы,

Ксения Никольская

ЗА СЧАСТЬЕМ В ТЕРЕБЕНИ

выезжает легковая машина. В ней — жених-музыкант со своим другом-свидетелем, тоже музыкантом. Скоро влюблённые встретятся, чтобы уже никогда не расставаться. Что побудило их принять такое экстравагантное решение? Может быть, красота здешних мест? Может, желание уйти от суеты?

Что ни говори, места здесь действительно сказочные. Воздух чист, и приятные соседи — Александр Сергеевич Пушкин жил неподалёку, его усадьба Михайловское в двадцати километрах отсюда. В Теребених к нему особое отношение, почти родственное. Отец Георгий, священник местной церкви, иногда цитирует его в своих проповедях, неизменно предваряя цитату сло-

вами: «Как сказал наш сосед Александр Сергеевич Пушкин...»

Тихое озеро, в котором отражаются низкие осенние облака, погост со старыми каменными крестами. Рядом с погостом — церковь, выкрашенная голубым цветом, удивительно красивая в обрамлении золотой осенней листвы. Церковь стоит на пригорке, и её деревянную покосившуюся макушку видно далеко-далеко...

Церковь Воскресения Словущего в Теревнях была построена в начале XVIII века. В те времена эта часть Псковской губернии принадлежала Голенищевым-Кутузовым, предкам знаменитого полководца Михаила Илларионовича. Родители фельдмаршала покоятся под этими церковными сводами. Деревянный резной иконостас, расположенный в центральной части храма, повторяет иконостас Петропавловского собора в Санкт-Петербурге, что на Заячьем острове. Центральная часть возвышается над Знаменским и Варварьинским приделами, которые, как и основная часть храма, и колокольня, имеют шатровые завершения и главки с крестами. Внутри голубой шатровый свод усыпан звёздами.

История Воскресенской церкви примечательна. Она пережила много удивительных и драматических собы-

тий. В сенях заботливой рукой матушки Валентины создан маленький музей, где прихожане и гости могут узнать всю историю теревеньского храма. После революции 1917 года несколько лет он был закрыт. Когда потом его вновь ненадолго открыли, на богослужения собирались прихожане со всех окрестных деревень. Во времена фашистской оккупации в церкви размещался немецкий госпиталь. Перед отступлением военное начальство приказало взорвать церковь, но у солдат вермахта рука не поднялась выпол-

нить приказ. Отступая, они написали свои имена и адреса на церковной колокольне. Многие годы никто не обращал на них внимания. И только пятнадцать лет назад (в свой первый год пребывания в Теревнях) матушка Валентина, поднявшись на колокольню, обнаружила эти надписи. Она разослала письма по адресам, оставленным на колокольней башне, — не из любопытства, но из чувства благодарности к тем, кто спас Воскресенскую церковь. Никто и не надеялся, что письма найдут адресатов, столько времени прошло, столько воды утекло... Но потомки тех немецких солдат, хотя и не сразу, нашлись и приехали в Теревени, о чём

ло освещено в опочечкой газете.

В Теревнях всегда полно приезжих, расстояние никого не пугает.

...Вот и в ту субботу в доме священника с утра ждали гостей. Готовились. Жарко натоплена печка, приятно пахло влажным деревом от только что вымытых полов, на плите — огромная кастрюля рыбного супа с фасолью, фирменное блюдо матушки Валентины, а в печке дожидались своего часа яблочные пироги с румяной корочкой. Яблочный запах разносился повсюду из сада, из сеней. В Псковской области год был на редкость урожайный.

свидетельствуют фотографии в церковном музее. (Этому незаурядному событию был посвящён репортаж популярной в годы «перестройки» телепрограммы «Взгляд».)

Незаурядная личность отца Георгия (он по образованию искусствовед, в прошлом работал в Русском музее), его мудрость и доброта привлекают в эти места не только окрестных жителей. К нему приезжают из Пскова, Питера и Москвы, из ближнего и дальнего зарубежья. Прошлым летом в Теревнях гостила девушка-реставратор из Японии. Так вот, она приняла православие и здесь, в Воскресенской церкви, крестилась. Сие невероятное событие бы-

Солнце начало садиться, когда пассажиры автобуса наконец увидели долгожданный дорожный указатель: Теревени. Измученных дорогой путешественников усадили за большой стол, занимающий почти всю кухню, и накормили обедом. Разговоры, как обычно, затянулись за полночь.

Утром в церкви особенно красиво, в ней всё словно преображается, когда сквозь высоко расположенные окна внутрь проникают сильные, почти осязаемые солнечные лучи. После воскресной службы и причащения завтракали, всё время поглядывая на часы: ждали жениха. Уже стали волноваться, особенно невеста, — а он и приехал.

Все облегчённо вздохнули, принялись готовить праздничный стол. Таинство венчания решили отложить на вечер, чтобы дать возможность жениху выспаться после дороги.

Уже стемнело, когда направились в церковь. Невеста в строгом элегантном платье с высокой талией напоминала женские образы эпохи кватроченто и одновременно героиню пушкинской «Метели». Жених был серьёзен и, кажется, слегка напуган... Венчание длилось долго. Отец Георгий хотел донести до молодых значение каждого своего действия, смысл каждого слова. Небесный голос матушки Валентины, певшей службу, наполнял всё пространство храма...

Жених и невеста соединились наконец священными узами, когда отец Георгий троекратно произнёс: «Господи, славою и честью венчай я». †

Сентябрь 2001 – февраль 2002

Теревени – Санкт-Петербург

Фото автора

По вольному следу воды родниковой

Наталья Савельева

«Элитарная песня завтрашнего дня».

Поэт Дмитрий Сухарев
о творчестве Елены Фроловой

Две встречи

Моя первая встреча с Еленой Фроловой произошла в марте 1995 года. На небольшую сцену Центрального дома актёра вышла тоненькая девочка в чёрном, с гитарой и исполнила несколько своих песен. Я сразу запомнил одну из них с названием «Дева Богородица»:

*Дева Богородица,
Где душа находится?
Там душа находится,
Где любовь живёт.
Дева Богородица,
Где любовь находится?
Там любовь находится,
Где печаль поёт...*

Незатейливая мелодия, простые слова, но какая глубина и лёгкость, мудрость и вера и что-то ещё, неуловимое, что нельзя выразить словами...

Последняя встреча — 31 января нынешнего года, на бардовской площадке в Театре на Таганке. Встреча с уже известной певицей. Елена повторила свой берлинский концерт, состоявшийся в самом конце 2001 года. Она спела много новых песен, написанных за последние год-полтора на стихи Марины Цветаевой, Андрея Белого, Иосифа Бродского, Вениамина Блаженного и на свои собственные. Многие мне говорили, что этот концерт был сложен для восприятия — и потому, что Елена исполняла неизвестные публике вещи, и потому, что быть в мире такой поэзии и такой музыки вообще нелегко. Пусть эта усталость, как говорила Марина Цветаева, «не опустошительная, а сотворческая», это всё-таки усталость. От безмерности поэтической и музыкальной, от безмерности исполнения.

Семь лет мы знакомы с Леной Фроловой, семь лет я слушаю её песни, стараюсь не пропустить ни одного её московского концерта — ни solo, ни совместного с другими исполнителями. И все эти годы не проходит восхищение ред-

ким даром молодой певицы (молодой по возрасту, но не по творческому «стажу» — Лена пишет песни с детства).

Начало

Когда в первую нашу встречу я спросила, с чего началась её любовь к песне, она ответила: «Мама рассказывала, что моя бабушка в молодости играла на гитаре и очень хорошо пела. Мне был год, когда её не стало, поэтому я её не помню. Но, думаю, этот факт имеет прямое отношение к моей биографии, потому что на моё двенадцатилетие мама подарила мне гитару. С этого, собственно, всё и началось».

А ещё у Лены была замечательная учительница пения — Людмила Анатольевна Иванкина. Именно она приобщила девочку к поэзии и музыке, потом пригласила в хор, из которого позже образовался школьный ансамбль — исполняли даже джаз на четыре голоса. А уже после школы Лена с подругой выступали дуэтом в Москве, Ленинграде, других городах. Пели бардовские, народные, эстрадные песни... Пришли в КСП — Клуб самодеятельной песни.

В 1987 году на фестивале в Минске Лена Фролова познакомилась с Еленой Камбуровой, которую с тех пор считает своим учителем.

А среди поэтов «открытием на всю жизнь» для неё стала Марина Цветаева. — С ней у меня отношения особые. В пятнадцать лет я написала первую песню на её стихи. Цветаева — феномен, к ней возвращаешься постоянно. Первое открытие, первое погружение, немного отходишь, потом снова и снова... Через неё ко мне приходят не только другие поэты, но люди, в судьбе которых она сыграла большую роль.

Понятие «поэт» много значит для Лены, как и «поэзия».

— Первую песню я написала в двенадцать лет. Но я не пишу стихи, я люблю открывать их для себя. Мои песни — это музыка, которая записывается словами. Не какая-то феноменальная, не космическая — своя, внутренняя музыка, мелодия, с которой человек живёт.

В восемнадцать лет Лена Фролова становится победителем тогда ещё Всесоюзного фестиваля авторской песни в Таллине. Её сразу заметили и оценили те, кто уже многие годы определяет развитие поэтической, драматической песни в России, — Елена Камбурова, Сергей Никитин, Дмитрий Сухарев. В бардовской среде Лену приняли сразу.

Елена Казанцева, автор песен: «Году в 87-м мы часто ездили в Прибалтику, встречались с Клубами самодеятельной песни из других городов. Обычно пели где-нибудь в лесу, разжигали костры. И однажды вдруг прибегает Дима Стронец, наш минский автор, хватается за руку: «Идём! Я тебе чудо покажу!» И тащит к какому-то костру. Там сидела совсем ещё юная Лена Фролова и пела свои первые песни».

Владимир Бережков, бард, член знаменитого творческого объединения «Первый круг»: «Выходит на сцену такая юная, с длинными волосами, симпатичная девочка и вдруг говорит: «Иосиф Бродский. Рождественский романс». Я думаю: что же это такое?.. Ужас... Ведь на эти стихи писали все, начиная с Евгения Клячкина. И она начинает петь, и зал вдруг замолкает. Стих большой, а она не только поёт его целиком, но ещё и повторяет первый «куплет». Зал сидит в оцепенении, поскольку такого ещё не было. Я тут же побежал знакомиться...»

Андрей Анпилов, бард, художник, эссеист: «Елена Фролова — самая юная из начинающих в 80-е. По существу, она — уже следующее поколение. Но уж больно сильно искушение «передвинуть» её к нам поближе, так сказать, присоединиться. Ведь именно с ней связаны самые большие надежды ещё с таллинского фестиваля 1988 года. Помните, на стихи Цветаевой:

*...ангелов святых
С лучезарными телами
сотворил.*

*Есть с огромными крылами,
А бывают и без крыл...*

Как по-детски удивлённо, восхищённо Лена выпевала: «с огро-о-мными!»! С первой же строчки был почти физичес-

ки ошутим пронзительный, редчайший талант — и вокальный, и главное — духовный. И совершенно не чувствовалась его границы, «потолок». Никогда не забуду, как в одной песне Фролова от куплета к куплету брала всё новую и новую энергетическую высоту, «наращивала обороты». И вот, когда уже казалось — ну куда дальше, ну невозможно! — Елена с лёгкостью, словно даже и сама не заметив, как бы перепорхнула в иное, запредельное для нас пространство. Это было волшебство».

Большое настоящее

Голос Лены Фроловой — словно живое существо. Нежное, трепетное, строгое, восторженное. «Где вы учились вокалу? — спрашивают её после концертов. — Или это дар Божий?»

Несомненно, дар Божий. Другой природы у такого сильного и красивого голоса быть не может.

«Материализация духовности» — так называет то, что делает Лена, поэт Марина Гершенович, живущая сейчас в Германии. Материализация духовности — это «соединение голоса, мелодии и стихов. Ни музыка, ни вокал не «топят» авторскую речь, она сохраняется и даже усиливается взаимопониманием».

Песни на собственные стихи ближе к привычному жанру авторской песни, к народной традиции. Возможно, они проще, чем песни на стихи поэтов-классиков или современников. Но Лена так чувствует каждое слово автора, так бережно с этими словами обращается, словно нанизывает на нитку драгоценное ожерелье. Она создаёт новое, уникальное произведение, которое трудно причислить к какому-либо конкретному жанру.

Марину Цветаеву она поёт без мелодрамы, завываний, сюсюканья. Строго, молитвенно, дерзко и нежно одновременно. Пишет музыку на стихи Осипа Мандельштама, Софьи Парнок, Арсения Тарковского, Иосифа Бродского... На стихи Вениамина Блаженного, недавно ушедшего:

*Это снова душа
Со своим лебединым
Умирающим стоном...
И её окружают
Полярные льдины
Караулом бессонным.
(...) Это снова душа,
На последнем дыхании,
На томительном вздохе
Растает с незнанным миром
Стихами,
Обретя свои строки...*

Из ныне живущих — увы, мало известных широкой публике, — поёт Марину Гершенович («Всё больше нежности и хмеля, Всё больше мягкости и дремы В ночном блуждании метельном, В округе улиц, в круге дома...») и Дмитрия Стронецца («О, Друзе мой, я заблудился В Твоей рукавице ночной... Есть чёрного света глазницы, Есть свет голубой колыбели И снег на постели земной...»).

За десять лет вышло пятнадцать аудиокассет с записями Фроловой (большинство записано в Казани на студии «Сибирский тракт» у Валерия Мустафина), два компакт-диска, готовится третий. Это много, это успех. За ним — долгие годы творческой работы.

Иногда Лену можно услышать по радио. По телевидению я видела её лишь однажды — на традиционном вечере памяти Юрия Визбора. И сразу же мне позвонили несколько человек: «Кто такая? Почему мы о ней раньше не знали?»

Я знаю, что на её концертах многие испытывают потрясение. Виртуозная гитарная техника, игра на гуслях, удивительная мелодия, идеальный вкус — всё это Елена Фролова. Русский духовный стих, поэзия XX века, песни на свои тексты, фольклор — вот её стихи, творческие ипостаси, составляющие её дара. И ещё — глубокая вера, пронизывающая всё, что она делает, совестливость, скромность, чистота. Елена Фролова — это духовное явление.

Пожалуй, самые точные слова нашёл Андрей Анпилов: «В её песнях — почти античная красота и сила. Никаких жалоб, никакого занудства, ни усталости, ни декаданса. Елена сразу выходит на прямой, открытый разговор с нами, со-

**Весь мир
со всей его музыкой**

При всей моей любви к авторской песне, к Булату Окуджаве, Высоцкому, Галичу, Никитину и другим они никогда не становились существенной пищей моего чисто профессионального интереса. Поэтому и было для меня таким чудным столкновение с работами в этом жанре Лены Фроловой.

Что поразило меня больше всего? Её искусство без всякой искусственности. За тем, что она делает, стоит не выучка, не определённая школа и попытка её преодоления, но огромная и разнообразная слуховая культура. Откуда Лена берёт этот материал — берёт с необыкновенной точностью и творческим бесстрашием, — я не могу даже предположить... Стихия русской народной музыки, причём не в её лубочном варианте, а идущей от самых древних языческих корней, — в её цикле «гусельных» песен, рядом — тончайший *cool jazz* в песне «Здравствуй, боль...», тут же — трагичное и элегантное танго в «Романсе скрипача», потом вдруг — ориентальность «Степной дудки». Причём это всё не копии, это — оригиналы...

О необыкновенной чуткости к слову я уже не говорю — это даже не столько чуткость к слову, сколько чуткость к тому, что по ту сторону слов. «Романс скрипача» — это тот уровень перевоплощения жанра танго, который завоевал такую бешеную популярность современному композитору Пьяцолле...

Лена — в постоянном поиске новых выразительных средств, форм и гармоний. И как не упомянуть о чуде голоса Лены, о том потрясающем разнообразии, тонкости и виртуозности, с которыми она им пользуется, о тех драматических перевоплощениях, которые он ежесекундно претерпевает...

Она — абсолютно интуитивный человек, внутри которого заключён весь наш мир со всей его музыкой. Достаточно увидеть, как слушает Лена музыку своих коллег, чтобы понять, что для неё нет разницы между внешним и внутренним, всё внешнее становится внутренним и принадлежит ей. Только три повторяющиеся ноты в песне, которая длится более пяти минут, — для этого надо обладать творческим бесстрашием!

Но Лена, наверно, не знает, что должно быть страшно.

*Владимир Генин, композитор
Мюнхен, 11 января 2002 г.*

временниками, и — через наши головы — дальше — с душой, с музой, с ангелами чистоты и милосердия. Это очень важно — не снижать высоту полёта, температуру горения. Дашь слабину, задешевишь — всё, будешь рабски служить успеху. Елена Фролова — живой пример того, как можно настоять — нет, не на своём — на том, что считаешь подлинным. Глупо говорить о её большом будущем, у неё — большое настоящее».

«АЗИЯ» и «Верлен»

«АЗИЯ» и «Весь», — говорит Лена, — это два моих поэтических круга». Размер журнальной публикации не позволяет рассказать об этом подробно, тут потребуются отдельный разговор. Скажу только, что «Весь» — это поэтическое содружество, друзья и коллеги Лены. «АЗИЯ» — творческое объединение четырёх художников, очень разных, но внутренне близких: Николай Якимов, Александр Деревягин, Татьяна Алёшина и Елена Фролова. Второй сезон в Театре на Таганке осуществляется их совместный проект «АЗИЯ плюс»: каждый четверг на малой сцене «Содружества актёров Таганки» проходят концерты с участием «азиатов» и их друзей.

А ещё существует авторский дуэт «Верлен» — Лена Фролова и Вера Евушкина. Название, образованное от имён исполнительниц, связано также с известным стихотворением «Верлен» Иннокентия Анненского. Вера Евушкина — самобытный музыкант и композитор, с Фроловой её познакомил в 1988 году Елена Камбурова; так что дуэту уже четырнадцать лет. Они объездили пол-России, записаны кассеты.

*Почему, скажи, сестрица,
Не из Божьего ковша,
А из нашего напиться
Захотела ты, душа?..*

(Арсений Тарковский)

*От больших обид — душу знобит.
От большой тоски — песню пою...
Всякая сосна бору своему шумит,
Ну а я кому весть подаю?..*

(София Парнок)

«Прежде чем мы встретились с Верой Евушкиной, — вспоминает Лена, — я услышала её песни на кассете. Что-то между голосом и дыханием... Мелодия, будто

подхватывая слова, уносит их в ту область, где холодные и горячие потоки воздуха (я бы сказала — сердца) дарят покой и грацию полёта. И это мелодическое пространство, создаваемое тихим голосом и тихой гитарой, наполняется чистой сердечной интонацией...»

И становится хорошо на душе, и хочется жить на свете.

Вместо послесловия

Впервые я услышала Лену весной, а в июне мы уехали в северную деревню. Белые ночи, ласточки над крышами, пляшущие стрекозы, чёрная

речка, вечные стога... Мы взяли с собой несколько кассет Фроловой и слушали их каждый день. Голос Лены и пронзительные стихи, наша любовь и деревенская жизнь... — всё соединилось тогда в единое целое.

*Пришёл сон из семи сёл,
Пришла лень из семи деревень...
Собирались лечь, да простыла печь.
Окна смотрят на север...*

(Иосиф Бродский)

*Светлый праздник бездомности,
Тихий свет без огня.
Ощущенье бездомности
Августовского дня...*

(Юрий Левитанский)

*...А девы — не надо.
По вольному следу,
По синему следу
Один я поеду.
Как был до победы:
Сиротский и вдовьюй,
По вольному следу
Воды родниковой...*

(Марина Цветаева)

Именно тогда, летом 95-го, вместе с песнями Лены ко мне пришло... как это сказать... понимание, чувство России, русской провинции, сельской жизни. Лена Фролова научила меня России. Через два года я купила маленький домик в тверской деревеньке.

Дом Лены — в Суздале. Мама её живёт во Владимире. Но основной Ленин дом — дорога. Весь бывший СССР, вся нынешняя Россия, а также Германия, Австрия, Франция. И в творчестве она вечно в дороге, определённой для неё Всевышним. Останавливаться нельзя. Подъём труден, но необходим. Спады и падения неизбежны, но за ними начинается новый подъём.

*Иду по склону лет и дней
За тихой Тайною Твоей.
От января до декабря —
Бродяга я, бродяга я.*

(Елена Фролова)

...Я помню, как мы с ней стояли у могилы Максимилиана Волошина на горе Кучук-Еньшары. Тишина. Огненный коктейльский полдень. Вдруг нас накрыло огромное белое облако. На соседние холмы легла тень. И Лена запела Бродского, песню, уже ставшую легендой, — «Проплывают облака». Голос поднимался в небо, опускался в море. Его слышали горы и волны, молодые травы и древние камни. Слышала Вселенная, все её невидимые в тот миг звёзды. А рядом со мной стояла и пела одна из них — по имени Елена Фролова... †

Фото из архива автора

Выступает «АЗИЯ»**Дискография****Компакт-диски**

Птичьи песни («Небо любит тебя»), 1996
Проплывают облака, 1998
Птица вербная, 2000
На диске: XX лет без Высоцкого (сборник «В. Высоцкий в исполнении бардов»), 2000

Аудиокассеты

И ангел, и лев, 1992—1995
Мой белый воробей, 1992—1995
Бродяга, 1992—1995
Светлый праздник бездомности, 1993—1995
Любовь моя, цвет зелёный, 1992—1995
День благовещения, 1997
Десять лет пути, 1998
Летел голубь, 1999
Лесенка в небо, 1999
Солнечная нить, 2000
Птица вербная, 2000
9 октября, 2000

Дуэт «Верлен»:

О, прислушайтесь, 1990
Сердцем слышу, 1995—1998
Концерт в Казани на Сибирском тракте 26.04.98

«АЗИЯ»:

Договоримся о встрече (1 и 2), 1998

Видеокассеты

Дуэт «Верлен» — Сердцем слышу, 1998

НА СОЛНЦЕ И В ТЕНИ

Инга Сидорова

Сестра Варсонофия — светлая, радостная, весёлая — ведёт многолетнюю жизнь в монастыре Св. Марии Магдалины в Иерусалиме, в этих недостижимых святых местах. Раньше, до этого, — Саша Миренская, мятущаяся без успокоения, стремящаяся куда-то. Стало ясно — куда.

Она мечтала о крещении, но очень долго не могла осуществить эту мечту. Батюшка крестил её в больнице. Она не поднималась с постели, была очень слаба. На следующий день после этого события она встала и ушла домой.

Сестра Варсонофия — скульптор-профессионал. «Малые формы», созданные ею в монастыре, вызывают тихую, созерцательную радость. Они на-

В светёлке московского храма Свв. Космы и Дамиана в Шубине состоялась экспозиция фотоснимков работ сестры Варсонофии, инокини монастыря Св. Марии Магдалины в Иерусалиме. Скульптуры, иконы, мозаики, акварель. О трудном, противоречивом пути сестры Варсонофии — в недавнем прошлом московского скульптора Александры Миренской, рассказывает Инга Анатольевна Сидорова, близкий друг семьи Миренских

полнены любовью, глубоким, так необходимым нам смыслом.

Саша Миренская росла в семье, где богом было Искусство. Мама — Симона Миренская, ученица великого скульптора Александра Матвеева, истово и беззаветно выполняла свои родительские обязанности. Саше, которую она растила одна, без мужа, были отданы все силы.

Когда девочке исполнилось семь лет, Симона спросила у Владимира Андреевича Фаворского совета, как ей учить дочь рисованию. «Я буду говорить с вами только в том случае, — ответил знаменитый художник, — если вы до сих пор не пытались пристроить её в какие-нибудь изостудии или школы». — «Нет, не пыталась». — «Тогда слушайте. (Методику В. А. Фаворского автор излагает со слов С. М. Миренской.) Не давите на ребёнка: пусть занимается тем, к чему у него лежит душа. Рисует пером, карандашом, кистью, лепит из пластилина, глины, вырезает, выжигает. Пусть работает с любым материалом. Лишь бы ему это нравилось. Дальше. Предложите ему изобразить натуру по памяти. Скажем, нарисовать дерево во время заката солнца, но не вообще дерево, а то, что растёт у вас на даче или во дворе. А потом вместе посмотрите, как это выглядит на самом деле. Только не ставьте перед ним кубы и цилиндры. То же с портретами. Приучите ребёнка наблюдать за людьми, знакомыми и незнакомыми — в метро, в магазине, в гостях, — и изображать их потом по памяти. Развивайте его воображение. И последнее. Прививайте дочери вкус. Окружите её действительно красивыми вещами. Ходите с ней на выставки, в музеи. Пусть она знает: это — настоящее искусство, а это — подделка. Пусть различает это так же ясно, как обычный человек различает чёрное и белое. У неё должно выработаться безошибочное чутьё на прекрасное! И только после этого, спустя, может быть, годы, позвольте ей самой решить, чем ей заниматься и у кого учиться».

Симона так и поступила. Она стала первым учителем дочери. А когда Саша выросла, поступать ни в какой вуз не

захотела. Всё свободное время лепила, рисовала... И вскоре была принята в члены Союза художников СССР. Получила мастерскую, имела заказы, участвовала в выставках. Всё как у всех. Разве что «создавать энтузиазм» (по шутливому выражению Пикассо), саморекламу — не спешила.

Вот отрывок из Сашиного письма устроителям её выставки 88-го года: «...Со временем я поняла, что в процессе работы не должно быть никаких авторитетов. Я стараюсь гнать от себя любое суетное или тщеславное чувство. Моя совесть скажет мне больше и больше (а бывает, и радостнее) любого самого любимого, самого почитаемого человека». Она писала также о высоком духовном благоденствии, которое отличает творения её любимых художников —

Пиросмани, Веласкеса, Мазаччо, безвестных иконописцев и творцов русской деревянной скульптуры.

Саша искала себя не только в искусстве. Она то часами бегала в Царицынском парке вместе с членами клуба «Космос», то истово занималась йогой, то голодала по Брэггу, увлекалась раздельным питанием, сыроедением...

...Супружество оказалось недолгим. У Саши росли двое детей.

А потом она начала болеть. Врачи лишь пожимали плечами, назначали всё новые исследования и процедуры, но поставить диагноз не могли. Ей становилось всё хуже, она слегла. Дети на цыпочках ходили мимо её комнаты, разговаривали шёпотом, мать металась, как загнан-

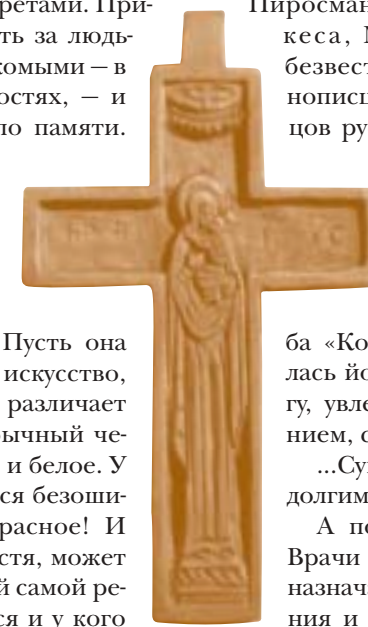

ный зверь, видя, как угасает её дитя, и не зная, чем ей помочь. А Саша уже не вставала. И однажды простилась с родными, чувствуя, что до утра не доживёт.

И тогда мать и близкая подруга позвали священника. Сашу крестили.

Она не умерла. Она стала потихоньку оживать, но всё ещё была очень слаба. И вот новый удар. Выросшие дети сначала зачастили в синагогу, а потом решили ехать в Израиль. Всем своим существом она понимала, что ей, православной, там нечего искать, но знала, что её мать (единственная в семье стопроцентная еврейка) никогда не отпустит внуков одних в неведомую даль.

Они впопыхах собрались, надели мордник на любимую овчарку, вес которой равнялся едва ли не половине дозволенного багажа, и отправились в Землю Обетованную. Тяготы репатриант-

«Если много “художников” и основная масса работает плохо, то это не показатель искусства и это не значит, что оно не существует или существует в том виде, в каком видим у этих “художников”. Так же и вера. Подлинных подвижников — единицы из многих тысяч...»

ской жизни их не миновали. Но постепенно сын возобновил занятия музыкой в иерусалимской Академии искусств, дочь стала ювелиром, мать, Симона Моисеевна, ежедневно хотя бы два-три часа рисовала, а Саше удавалось найти лишь временную работу.

И однажды... Это был не самый подходящий момент. Фрада, любимая овчарка, истекла кровью, дочь Зоя рыдала, не зная, как спасти умирающую собаку, сын Серёжа готовился утром отправиться в армию, а Саша услыша-

ла голос сердца: «Пора». И она отправилась в монастырь Св. Марии Магдалины, чтобы остаться там навсегда.

Сын не понял и не принял мать в монашеском одеянии. Дочь поступок матери тоже не одобрила, но виделась с ней, а когда родилась маленькая Ханночка, позволила Саше навещать внучку. А мать... «Саша, — говорила Симона Моисеевна, — вонзила нож мне в спину и продолжает поворачивать его...»

А недавний московский скульптор, которую все, кто её знал, называли талантливой, а некоторые даже гениальной, ухаживала за монастырским клад-

бищем, делала любую чёрную работу. Затем в виде послушания её назначили воспитателем в монастырский приют для детей из неблагополучных, в основном арабских, семей. Постом и молитвой она пыталась заслужить прощение у членов своей семьи. В редкие свободные часы вырезала из дерева иконы и распятия, осваивала технику мозаики. Вскоре она приняла постриг, и не стало больше Саши Миренской, а появилась новая монахиня — сестра Варсонофия.

Минувшим летом её отпустили на отдых в Москву. Она долго гуляла по любимому Коломенскому, съездила в деревню на Оке, где у них остался домик, побывала в Оптиной пустыни. Повидала друзей, привезла им в подарок фотографии своих работ, сделан-

ных в монастыре. Один из друзей, Марат Бабин, показал их нескольким галерейщикам, предложив неслыханный доселе проект — устроить выставку фотографий работ сестры Варсонофии. Те, не сговариваясь, согласились, а владелец галереи «Мария» сказал, что предоставит помещение бесплатно.

На вернисаж собралось много народу. Говорили сбивчиво, взволнованно, без искусствovedческого изыска. Шок. Удар. Просветление души... Какая чистота, новизна, какая безыскусная смелость! Потом свои взволнованные речи как смогли записали в книгу отзывов и отправили её в Иерусалим. А выставка продолжила своё существование в светёлке храма Свв.

Космы и Дамиана.

Давайте же и мы взглянем свежими очами. Её птицы и олени на мозаичных панно выполнены так, будто не было до этого никаких школ, течений, принятых норм и изображения. Они наивны, чисты, безыскусны. Наверное, вот так их смог бы нарисовать доисторический человек, внезапно изумившийся красоте привычного мира.

Лишь безупречное чувство цвета (голубизна, сотканная из камней, танцует, играет), отточенная техника мельчайшей мозаики и совершенное владение формой говорят о том, что перед нами зрелый художник. Вылепленные маленькие фигурки арабских женщин необыкновенно пластичны, исполнены грации и величия, акварели радостны и нежны.

Но главное место в экспозиции занимают иконы, распятия, складни, изображения святых. Вот маленький, неуклюжий ангел, совсем не похожий на бесчисленных смазливых херувимчиков, так по-детски непосредственно, искренне и доверчиво протягивает руки к небесам... Изображения обитателей горного мира наполнены дивным

небесным светом. Кажется, они парят в воздухе. Это соединение мира горного и земного.

...Получив по почте книгу восторженных отзывов о своей выставке, сестра Варсонофия лишь сдержанно сказала: «Спасибо». Не пристало монахине выражать суетливую радость по поводу наших светских мероприятий. У неё другое предназначение.

Из писем сестры Варсонофии

Сентябрь 1994

...Чем больше смотрю на них (на работы московской художницы Александры Лукашевки, 1925–1992. — И. С.), тем больше они дороги. Божия Матерь мне сначала простой показалась, но по-

том всё из головы не идёт, всё вспоминаю Её. Алины вышивки — это чудо, и всё меркнет перед их подлинной простотой.

Недавно монастырь Марии Магдалины посетил принц — муж английской королевы. Я наблюдала встречу. Идёт впереди маленький скромный человек, а импозантные господа — сзади. Думаю, где же принц? Который? Наверное, один из этих представителей, высоких и холёных. И ошиблась. И это не первый раз замечаю — что лучшее... настоящее очень скромно и просто на первый взгляд.

Март 1995

Спасибо Вам, что Вы написали о моих работах. Мне это необходимо, потому что я здесь теряю критерий. То, что здесь делают, к искусству не имеет ни-

какого отношения. Это и не народное искусство, так как монашки не художницы. Всё делается на потребу туристов, паломников. Я на продажу работать не могу. Делаю изредка на заказ или в подарок. Кроме того, без благословения игуменьи я ничего делать не могу. Но для того я сюда и пришла, и это к лучшему.

Всё время моё занято службой в храме и работой на кладбище. Остаётся часа два в день. Если я не очень усталая, на резьбу. В общем, работаю урывками, к чему я не привыкла. Я не жалуясь, а только объясняю свои условия работы. На заказ я, правда, с удовольствием делаю, но, опять же, сделав что-либо одно, не могу тут же браться за другое или повторять несколько раз одно и то же.

Июнь 1995

...Рублю из камня рельеф Божьей Матери. Я его ещё не кончила, но сфотографировала. Одна фотография — на солнце, а другая сделана в тени. Рельеф поразному смотрится на солнце и в тени. Ещё вырезала на дереве. Но всё плохо. Зашла в тупик. Сейчас ничего никуда не отдаю, а пробую то так, то этак, хотя это трудно здесь осу-

ществить. Все спрашивают: «Это куда, на продажу? Ты ещё доделаешь?» Да такие работы и не покупают. Кроме того, они дорого стоят для туристов. А надо дешёво и в большом количестве одно и то же.

Июль 1997

Мне нравится читать в церкви во время службы. Читая, я начинаю понимать строй службы, её красоту, простоту и глубокий смысл христианства, который не имеет ничего общего с поверхностным, массовым. Как и в искусстве, в нём только единицы достигают подлинной высоты.

...Я сделала две мозаики. Одну маленькую на воске, как и предыдущие, и одну на це-

менте, относительно большую. Делала прямым набором, но технически не получилось, потому что вся поверхность в ямах и выпуклостях — волнистая. Кроме того, видны места соединения. А так как у меня все силы уходили на преодоление технических трудностей, то, конечно, образ святой тоже получился примитивным. Я впала в отчаяние, у меня руки опустились от неудачи, и я решила больше этим не заниматься; тем более что я болею после работы от переутомления. Но когда я вымыла камни и подняла икону, то мне показалось, что можно ещё попробовать что-то сделать. Главное, что я освободилась от того, что я должна «выдать продукцию». Слава Богу, матушка в этом отношении даёт мне свободу. В общем, я начала ещё одну мозаику на цементе.

...Ещё трудности из-за денег, потому что их нет (бывают с переборами). Мне очень нужна смальта.

Октябрь 1997

Я сделала две мозаики. Первую — совершенно случайно, но всем понравилось. А вторую — я уже организовала место, и материал был под руками, и я не успела её сфотографировать. Но главное, что меня благословили делать мозаику, и я могу теперь этим заняться. А так как меня переселили в другую келью с большим окном, то место для ра-

боты у меня есть. Правда, работать приходится урывками. То свечи делаю с утра и до вечерней службы, плюс ещё пещерная церковь (уход за ней) и, конечно, кладбище. На днях будем собирать маслины. Это два-три дня. А потом, наверное, опять свечи. А потом, надеюсь, смогу заняться мозаикой.

Ноябрь 1997

Посылаю Вам фото мозаик. Три из них, на цементе, совсем не получились, и я их закопаю в землю, когда пройдут дожди. В данный момент я мозаику оставила, т. к. вышиваю. Правда, мне разрешили рисовать иногда с натуры. Я сделала три рисунка. Приспособилась рисовать на кладбище под стеной. Поскольку пейзажей у нас нет, вид для меня унылый (золотой купол мечети), то я рисую цветы.

О вере

Если много «художников» и основная масса работает плохо, то это не показатель искусства и это не значит, что оно не существует или существует в том виде, в каком видим у этих «художников». Так же и вера. Подлинных подвижников — единицы из многих тысяч... †

Валаам встал поутру, оседлал ослицу свою и пошёл с князьями Моавитскими. И воспылал гнев Божий за то, что он пошёл, и стал Ангел Господень на дороге, чтобы воспрепятствовать ему. Он ехал на ослице своей, и с ним двое слуг его. И увидела ослица Ангела Господня, стоящего на дороге с обнажённым мечом в руке, и своротила ослица с дороги, и пошла на поле; а Валаам стал бить ослицу, чтобы возвратит её на дорогу. И стал Ангел Господень на узкой дороге, между виноградниками, где с одной стороны стена и с другой стороны стена. Ослица, увидев Ангела Господня, прижалась к стене, и прижала ногу Валаамову к стене; и он опять стал бить её. Ангел Господень опять перешёл, и стал в тесном месте, где некуда своротить, ни направо, ни налево. Ослица, увидев Ангела Господня, легла под Валаамом. И воспылал гнев Валаама, и стал он опять бить ослицу палкою. И отверз Господь уста ослицы, и она сказала Валааму: что я тебе сделала, что ты бьёшь меня вот уже третий раз? Валаам сказал ослице: за то, что ты поругалась надо мною; если бы у меня в руке был меч, то я теперь же убил бы тебя. Ослица же сказала Валааму: не я ли твоя ослица, на которой ты ездил сначала до сего дня? имела ли я привычку так поступать с тобою? Он сказал: нет. И открыл Господь глаза Валааму, и увидел он Ангела Господня, стоящего на дороге с обнажённым мечом в руке, и преклонился, и пал на лице свое. И сказал ему Ангел Господень: за что ты бил ослицу твою вот уже три раза? Я вышел, чтобы воспрепятствовать тебе, потому что путь твой не прав предо

Продолжение. Начало в № 1/02

Священник Георгий Чистяков

ЧИСЛА

ЧЕТВЁРТАЯ КНИГА МОИСЕЕВА

Мною. И ослица, увидев Меня, своротила от Меня вот уже три раза. Если бы она не своротила от Меня, то Я убил бы тебя, а её оставил бы живого. И сказал Валаам Ангелу Господню: согрешил я, ибо не знал, что Ты стоишь против меня на дороге; итак, если это неприятно в очах Твоих, то я возвращусь. И сказал Ангел Господень Валааму: пойдёшь с людьми твоими, только говори то, что Я буду говорить тебе. И пошёл Валаам с князьями Моавитскими (Числ 22. 21–35).

Народ Божий блуждает по пустыне и выходит наконец на равнину Моава. Царь Моава, Валак, отправляет послов в Месопотамию, в Вавилон, на берег Евфрата, к пророку Валааму, чтобы он пришёл и проклял вышедший из Египта народ Израилев. Что же сделал Валаам?

Рассказ о Валааме и Валаамовой ослице занимает центральное место в книге Чисел. В этой удивительной повести, не только глубокой по содержанию, но и мастерски написанной, мы сталкиваемся с чрезвычайно интересным феноменом: ослица говорит человеческим голосом. Такого ещё не бывало. Происходит какое-то странное, непонятное чудо. А Валаам этого чуда не замечает. Он не понимает, что Господь отверз уста ослице. Он начинает с ней говорить, отвечать на её слова, как будто в этом нет ничего удивительного.

Такое постоянно случается и с нами. Бог совершает чудо — для нашего вразумления, для исправления нашего пути, для того, чтобы у нас появились новые силы или новое мужество, чтобы в нашем сердце появилось дерзновение или чтобы мы повернули с одной дороги на другую, как было в случае с Валаамом. А мы не видим этого чуда. Нечто подобное описано и в Евангелии от Луки. Я имею в виду рассказ о чуде исцеления десяти прокажённых. Исцелены были десятеро, но только один из них понял, что с ними произошло чудо, вернулся к Иисусу, пал на колени и восславил Бога. А остальные девять пошли своим путём, как будто с ними ничего особенного не случилось.

Ослица заговорила, а Валаам не понял, не увидел чуда. Так бывает и с нами.

...Ангел останавливает Валаама. Он пока ещё не видит его, не чувствует его присутствия. А животное, обыкновен-

ная ослица, казалось бы, глупая, упрямая и вообще недостойная того, чтобы о ней упоминалось в Священном Писании, — она увидела, почувствовала Ангела, осознала его присутствие.

Будь у Валаама меч, он убил бы ослицу. И только после того, как ослица вразумила его: «Не я ли твоя ослица, на которой ты ездил сначала и до сего дня? Имела ли я привычку так поступать с тобою?..» — только тогда Валаам вдруг увидел Ангела Божьего, стоящего на дороге с обнажённым мечом в руке. Вот тогда он осознал, что происходит чудо. Он понял, что пошёл не по той дороге. Тогда, как и велел ему Ангел, он пошёл вместе с посланцами царя Валака — но не для того, чтобы произнести над народом Израилевым проклятие, а чтобы благословить его. Дорога проклятия превращается в путь благословения. Пророк, которого вызвали издалека, из Вавилона, с берегов Евфрата, чтобы он пришёл и проклял Израиль, будет благословлять его и произнесёт удивительные слова. Он скажет:

Бог не человек, чтоб Ему лгать, и не сын человеческий, чтоб Ему изменяться. Он ли скажет, и не сделает? Будет говорить, и не исполнит? Вот, благословлять начал я, ибо Он благословил, и я не могу изменить сего (Числ 23. 19–20).

И продолжит своё слово Валаам: *...как прекрасны шатры твои, Иаков, жилища твои, Израиль! Расстилаются они как долины, как сады при реке, как алойные деревья, насаждённые Господом, как кедры при водах (Числ. 24. 5–6).*

С благословения Валаама начинает-

ся новая история народа Божьего. Изменяется вектор странствий по пустыне. И давайте помнить о том, что враждебная Валаама простая ослица, которую Бог сделал Своим посланцем, Своим представителем, глашатаям Своей воли. Так что не только простой человек, ничем не прославившийся, ничем особенным не заметный, но даже и животное может стать в какой-то момент вестником воли Божьей, вестником присутствия Божьего среди нас.

...Ангел с обнажённым мечом стоит перед Валаамом. Но пророк его не видит, его видит только ослица. В нашей жизни тоже постоянно присутствуют вестники Божьей воли, постоянно присутствуют Ангелы с обнажённым мечом и с огненным взглядом. Но мы далеко не всегда их видим. Мы можем только по каким-то косвенным признакам догадаться об их присутствии. Вот когда догадаемся, когда почувствуем, осознаем это присутствие, тогда всё вокруг нас начнёт меняться, тогда и мы сами из богопротивников станем глашатаями Божьей воли и начинаем творить именно то дело, к которому призывает нас Бог.

Мы прочитали странную и прекрасную, пронзительную повесть о Валаамовой ослице, которая заговорила. В этой повести библейский повествователь удивительным образом показывает нам, как открывается человеку Божья воля, как является ему Бог в тот момент, когда человек не чувствует Его присутствия и просто-напросто бьёт палкой свою ослицу.

На другой день утром Валак взял Валаама и возвёл его на высоты Вааловы, чтобы он увидел оттуда часть народа.

И сказал Валаам Валаку: построй мне здесь семь жертвенников, и приготовь мне семь тельцов и семь овнов. Валак сделал так, как говорил Валаам, и вознесли Валак и Валаам по тельцу и по овну на каждом жертвеннике. И сказал Валаам Валаку: построй у всесожжения твоего, а я пойду: может быть, Господь выйдет мне навстречу, и что Он откроет мне, я объявлю тебе. И... пошёл на возвышенное место и спросил Бога. И встретился Бог с Валаамом, и сказал ему Валаам: семь жертвенников устроил я, и вознёс по тельцу и по овну на каждом жертвеннике. И вложил Господь слово в уста Валаамовы, и сказал: возвратись к Валаку и так говори. И возвратился к нему, и вот,

он стоит у всесожжения своего, он и все князья Моавитские... И произнёс притчу свою и сказал:

Из Месопотамии привёл меня Валак, царь Моава, от гор восточных: «приди, прокляни мне Иакова, приди, изреки зло на Израиля!» Как прокляну я? Бог не проклинает его. Как изреку зло? Господь не изрекает на него зла...

И сказал Валак Валааму: что ты со мною делаешь? Я взял тебя, чтобы проклясть врагов моих, а ты, вот, благословляешь? И отвечал он и сказал: не должен ли я в точности сказать то, что веляет Господь в уста мои?

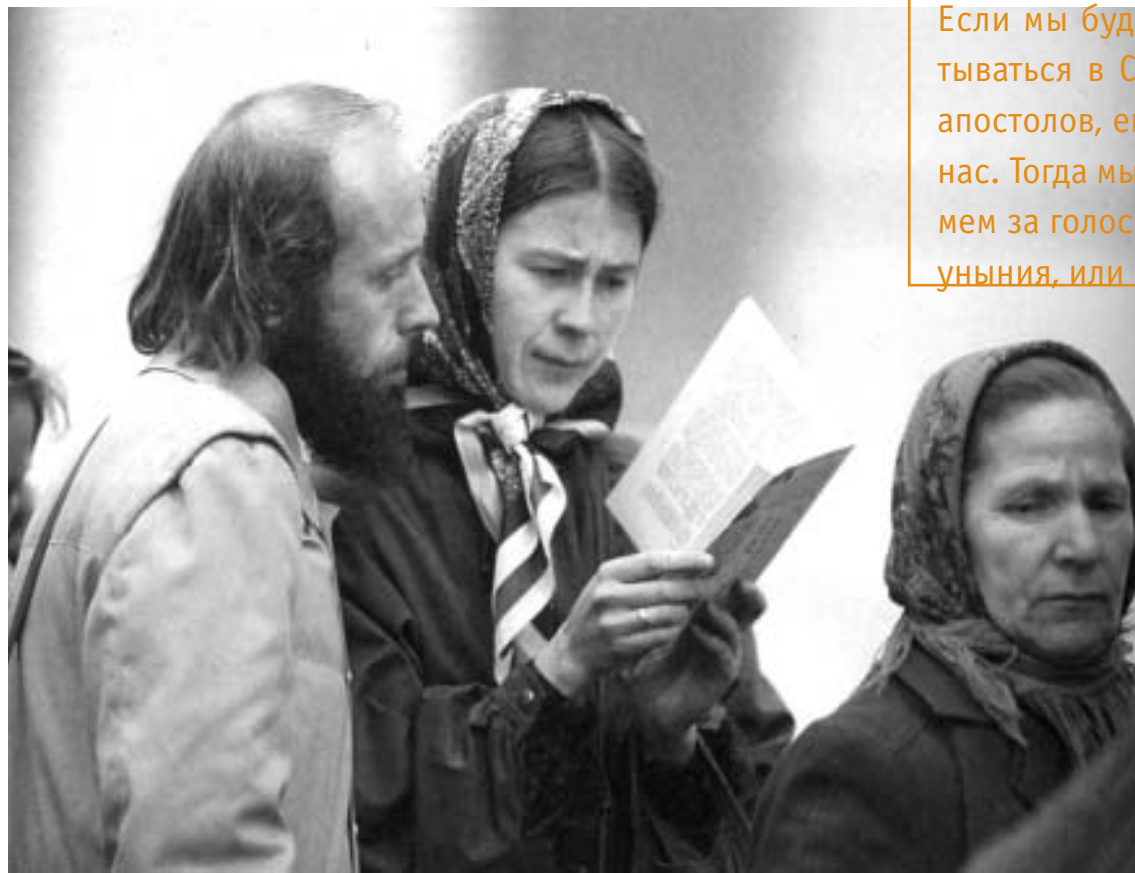
И сказал ему Валак: пойдешь со мною на другое место, с которого ты увидишь его... и прокляни мне его оттуда. И взял его на место стражей, на вершину горы Фасги... И встретился Господь с Валаамом, и вложил слово в уста его, и сказал: возвратись к Валаку и так говори... Бог не человек, чтоб Ему изменяться. Он ли скажет, и не сделает? Будет говорить, и не исполнит? Вот, благословлять начал я, ибо Он благословил, и я не могу изменить сего. Не видно бедствия в Иакове, и не заметно несчастия в Израиле; Господь, Бог его, с ним... В своё время скажут об Иакове и об Израиле: вот что творит Бог!..

И сказал Валак Валааму: ни клясть не кляни его, ни благословлять не благословляй его. И отвечал Валаам, и сказал Валаку: не говорил ли я тебе, что я буду делать всё то, что скажет мне Господь? И сказал Валак Валааму: пойдешь, я возьму тебя на другое место; может быть, угодно будет Богу, и оттуда проклянешь мне его. И взял Валак Валаама на вершину Фегора, обращённого к пустыне... (Числ 22. 41; 23. 1-30).

Валаам прислушался к своей заговорившей ослице и в конце концов услы-

шал, что хочет сказать ему Бог. Когда царь Валак приводит его с берегов Евфрата, чтобы он произнёс проклятие над народом Божьим, Валаам прямо говорит Валаку: «Может быть, Господь выйдет мне навстречу, и что Он откроет мне, я объявлю тебе».

Валаам хочет говорить только то, что велит ему Бог, только то, что ждёт от него Бог. Он не хочет подчиняться никакой человеческой воле. Он не хочет быть таким пророком, который оправдывал бы действия властителя, поддерживал и освящал своим присутствием, своею молитвой, своим видом власть этого царя, Валака. Валаам хочет говорить только от имени Бога. И не просто от имени Бога, а только то, что велит ему Бог. Он не

считает возможным использовать своё достоинство для того, чтобы служить человеку, а не Богу, служить кому-то, кроме Бога.

Три раза требует Валак от Валаама, чтобы он проклял народ Божий. И ничего не получается. Быть может, Валаам и хотел бы сделать что-то, угодное Валаку: он ведь от него зависит. Но этого не происходит. Потому что в сердце Валаама есть чувство Бога, и это чувство не позволяет ему проклинать.

Он восклицает: «Как прокляну я? Бог не проклинает его (это о народе Божьем. — Г. Ч.). Как изреку зло? Господь не изрекает на него зла».

Пример Валаама очень важен для всех нас. Мы должны поступать не так, как диктуют нам обстоятельства или люди, обладающие силой, властью, положением, те, от кого мы так или иначе зависим. Мы должны поступать, как велит нам Бог, как ждёт от нас Бог. Но как именно?

Здесь мы подходим, наверное, к самому трудному вопросу, который тем не менее необходимо сформулировать, причём предельно чётко. Как мы услышим Божью волю? Как мы поймём, что Бог ждёт от нас того, а

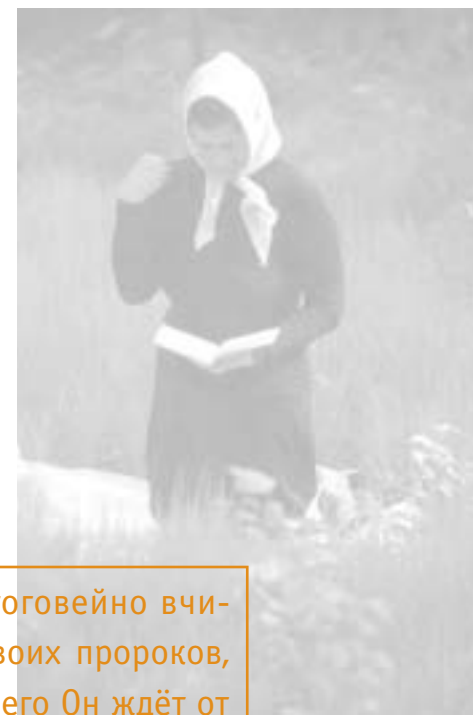
Если мы будем молиться, стоя на коленях, если будем благоговейно вчитываться в Слово Божие и вслушиваться в то, что устами Своих пророков, апостолов, евангелистов говорит Сам Бог, тогда мы поймём, чего Он ждёт от нас. Тогда мы в конце концов, подобно Валааму, услышим Его голос, а не примем за голос Бога, как очень часто бывает, голос нашей злобы, голос нашего уныния, или раздражения, или эгоизма, или ненависти, или каприза

не иного? Здесь нам может помочь молитва и чтение Слова Божьего. Если мы будем молиться, стоя на коленях, если будем благоговейно вчитываться в Слово Божие и вслушиваться в то, что устами Своих пророков, апостолов, евангелистов говорит Сам Бог, тогда мы поймём, чего Он

ждёт от нас. Тогда мы в конце концов, подобно Валааму, услышим Его голос, а не примем за голос Бога, как очень часто бывает, голос нашей злобы, голос нашего уныния, или раздражения, или эгоизма, или ненависти, или каприза. Голос своего греха, звучащий изнутри самого себя, очень часто принимают за голос Божий. Это бывает с людьми, которые отрываются от Бога, не имеют с Ним реальной связи, которые заменяют эту связь с

Богом какой-то мечтой. Они выходят не навстречу Богу, а навстречу своей мечте, идее и идеологии.

Самое важное и самое необходимое для нас — молиться, читать Слово Божие и не отрываться ни от того, ни от другого. Если мы читаем Слово Божие, но не молимся, это чтение превращается в сухое изучение текста. Если же мы молимся, но не читаем Слово Божие, в какой-то момент мы начинаем молиться не Богу, а самому себе и своему идеалу, который соткан из нашего эгоизма. Язычники именно тем и отличаются от христиан, что провозглашают своими богами идеи, которым они поклоняются. Наверное, в мире не было, нет и не будет чет-

«я», свою мечту или идеологию. Мы должны чувствовать реальное Божье присутствие в мире. Для

этого и дано нам Слово Божье, Писание. Это особого рода камертон, благодаря которому мы молимся не мечте, не идолу, а Богу истинному, невидимому и живому. Благодаря этому камертону мы узнаём, что Бог зовёт нас не проклинать, а благословлять, не ненавидеть, а жалеть, не желать дурного, а сострадать. Всё это мы узнаём из Библии, и всё это удивительным образом согласуется с тем, что живёт в глубинах нашего «я».

Итак, внутренний опыт сердца, опыт реальной встречи с Богом — опыт той встречи, которую пережил Валаам, — проверяется через чтение Священного Писания. Соединяя в себе то и другое, сопоставляя почерпнутое в Библии, услышанное от Бога при чтении Писания с тем, что открывается нам через молитву, через саму жизнь, через нашу реальную встречу с Богом, мы понимаем, что и в молитве, и в Библии присутствует Один и Тот же Бог, любящий, живой, истинный и невидимый. Бог, Который спешит на помощь, Бог, Который призывает не проклинать, а благословлять, призывает нас не ко злу, а к добру, не к ненависти, а к любви. †

Мы — христиане, люди, которым Бог открылся через пророков, евангелистов и апостолов; мы — люди, которым Бог открылся в Своём возлюбленном Сыне, нашем Господе Иисусе Христе. Мы должны идти другими путями. Мы не должны идолизировать своё

На железнодорожном вокзале Кордовы висит расписание: отправление поезда в 18.00, прибытие в Толедо — в 18.39. Те, у кого в школе по географии была «твёрдая тройка», спросят: а в какой это стране? «Хорошист» скажет: в Испании. А отличник засомневается. Как это? Ведь Кордова — на юге страны, а Толедо ближе к северу. Нет ещё таких суперскоростных поездов, чтобы пересечь полстраны за 40 минут. Но ближе всех к истине окажется троечник: ведь мы — в аргентинской Кордове, и Толедо — это её пригород. А названия эти когда-то дали переселенцы из Испании

Архимандрит Августин (Никитин)

В аргентинской Кордове

Колонизация земель на территории нынешней Аргентины характеризовалась преобладанием испанского или, точнее, креольского элемента в формировании культурного облика страны вплоть до XIX в. Испанская культура проникала сюда двумя главными потоками: с севера — из Перу (через Жужуй, Сальту, Тукуман), с востока — через Рио-дела-Плату и по течению рек, впадающих в этот эстуарий. Следуя по этим направлениям, испанцы основывали города, становившиеся центрами экономической колонизации, распространения языка и религии в форме католичества.

Поднимаясь от устья реки Парана вверх по течению, испанцы колонизировали сначала области, лежащие на подножии Сьерра-де-Кордобы и Сантьяго-дель-Эстеро, и только затем — пампу между горами и рекой. Так в 1573 г. возникла Кордова, ставшая самым значительным религиозным и культурным центром Аргентины колониального периода.

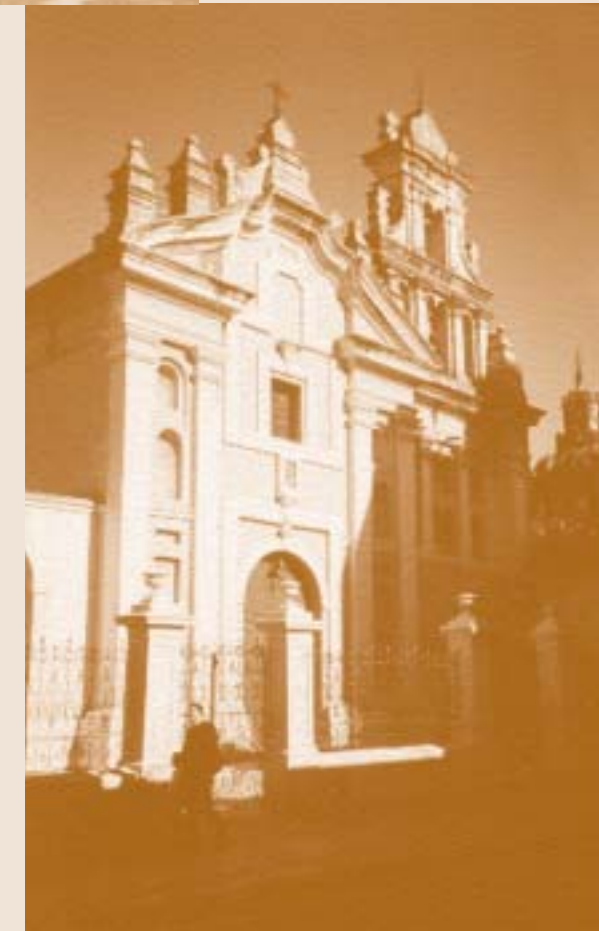
Поначалу городок был небольшим; в 1595 г. здесь проживало всего 200 человек. Однако северо-запад Ла-Платы (будущей Аргентины), где находилась Кордова, был тесно связан с перуанской Лимой — центром испанской колонизации Южной Америки. Это способствовало быстрому росту Кордовы. По свидетельству современника, относящемуся к началу XVIII в., «в городе проживает 500 испанских весино, все дома представляют собой прекрасные каменные постройки, улицы прямые. В этом многолюдном городе есть красивый собор, монастыри Святого Доминика, Святого Франциска, Ла Мерсед и два зда-

ния Общества Иисуса... Огороды, сады, виноградники и посевы, расположенные вокруг города, орошаются водой из большого канала, вытекающего из реки в двух лигах выше города». В этом отрывке упоминаются «весино» — богатые испанцы, владельцы земель с проживавшими на них индейцами.

В то время Кордова была своего рода музыкальной столицей Ла-Платы. Здесь процветала и церковная, и светская музыка. Уже в конце XVI в. в Кордове открылась специальная торговая лавка по продаже музыкальных инструментов и струн для виуэлы. А в середине XVII в. таких лавок было по крайней мере две.

Столь исключительное положение Кордовы обусловило и более высокое развитие этого города как центра религиозного образования, находившегося в ведении Общества Иисуса. Уже в 1610 г. иезуиты открыли в Кордове Старший колледж (учебное заведение высшего типа, где студентам преподавали помимо кастильской и латинской грамматик богословие и философию как комплекс наук). Он был известен также под названием Колледжа Лоретто или Королевского и предназначался для подготовки священников. В 1613 г. это учебное заведение было преобразовано в Кордовский университет, по-прежнему оставшийся в ведении Общества Иисуса. Вначале здесь обучались только студенты Общества, но с 1622 г. по специальному указанию Папы Григория XV и короля Филиппа III могли поступать и другие лица. Университет был частным (поскольку им руководили иезуиты,

а не государство), но присуждавшиеся им степени признавались везде. В середине XVII в. в Кордовском университете было два факультета: искусств (с изучением философии), присваивавший степени бакалавра, лиценциата и магистра искусств, и теологии (с изучением канонического права, морали и богословия).

В 1680 г. университет был реорганизован; им по-прежнему руководило Общество Иисуса. Как и ранее, здесь шло строительство храмов, монастырей и прочих церковных зданий. В 1699 г. Кордова стала резиденцией епископа.

В XVII–XVIII вв. в Кордове насчитывалось много профессиональных музыкантов, особенно из числа темнокожих и мулатов, занимавших практически все музыкальные должности, в том числе такие ответственные, как должность соборного органиста. Негры пользовались также репутацией отличных скрипачей и играли во время богослужений, пели в церковных хорах, обучали игре на музыкальных инструментах и выполняли функции «маэстро де байле» (учителей танцев) в частных домах. Современники отмечали, что по своей музыкальности негры не уступали даже индейцам гуарани (о Государстве гуарани см. № 4/01. — *Ред.*) — оценка по тем временам исключительно высокая.

Иезуит Флориан Пауке, побывавший в 1749–1767 гг. во многих городах и миссиях Ла-Платы, рассказывает в своих воспоминаниях, что во время его пребывания в Кордове (в 1749 г.) вверенный ему хор, состоящий из двадцати негров и мулатов, в короткий срок разучил на слух (ни-

кто из хористов не умел читать ноты) большую и сложную Мессу с инструментальным сопровождением и с успехом исполнил её, к большому удовольствию многочисленных прихожан.

Весомый вклад в изучение ла-платских провинций колониального периода внёс иезуит Хосе Санчес Лабрадор (1717–1798). Человек энциклопедических для своего времени знаний, он был профессором Кордовского университета, а затем миссионером среди индейских племён к северу от Рио-де-ла-Платы. Его работы по истории Церкви, гражданской истории, зоологии и ботанике, астрономии и физике, этнографии и лингвистике сохранили научную ценность до наших дней. В 1764 г. в Кордовский университет была доставлена типография, которую иезуиты закупили в Европе.

Однако через несколько лет иезуиты вынуждены были покинуть Аргентину по не зависящим от них обстоятельствам. Опустели и основанные иезуитами неподалёку от Кордовы обители Альта Грасия и Йёзус Мария.

Кордовский университет с 1767 г. перешёл в ведение францисканского ордена. До 1854 г. он назывался Университетом святого Карла и Пресвятой Девы Монтсерратской. Статус национального университета получил в 1854 г. Так на базе католических университетов колониальной эпохи складывалась современная система высшего образования Аргентины.

Во второй половине XIX в. Кордовский университет подвергся немецкому влиянию. Об этом писал Вильгельм Северс —

автор солидной монографии «Южная и Средняя Америка» (СПб., 1911). Отметив, что в Кордове «число жителей составляет около 65 тысяч» (конец XIX в.), он продолжает: «в ней находятся Национальная Академия и университет, и благодаря живущим там немецким профессорам Буэнос-Айресский университет отстался далеко позади». Северс упоминает об одном из таких учёных — Германе Бурмейстере, «отце естественнонаучного изучения Аргентины». До 1850 г. он преподавал зоологию в г. Галле, а в 1861 г. окончательно переселился в Аргентину, стал директором естественнонаучного музея в Буэнос-Айресе, потом основал естественный факультет в Кордове. Преемниками Германа Бурмейстера в Кордове были немецкие профессора Альфред Штельцнер и Л. Бракебуш — исследователи Анд.

Очередная университетская реформа началась в Кордове в 1918 г. Борьба за автономию и демократизацию университетов распространилась отсюда по всей Аргентине. Но и в эти годы Римско-Католическая Церковь не утратила свои позиции в сфере образования. Так, и сегодня в Кордове имеется Католический университет, где обучается 5 тыс. студентов. А при светском Кордовском университете имеется Главная библиотека, основанная ещё иезуитами в 1610–1614 гг.

...Исторический центр Кордовы можно обойти за полчаса. Помимо испанского влияния здесь чувствуется и итальянское. В старинном парке — бюсты Данте, Джакомо Леопарди. Из

испанцев здесь представлен композитор Мануэль де Фалья; в годы франкистского правления он перебрался в Аргентину и обосновался в Альта Грасия, где и скончался в 1946 г. (в эти годы на соседней улочке подрастал юный Че Гевара).

По вечерам на площади у кафедрального собора играет оркестр. Это давняя традиция — ещё в 1644 г. в одном из документов некто Томас де Фигероа упоминается в качестве дирижёра городского военного оркестра Кордовы. В начале XIX в. (или несколько ранее) музыканты Кордовы вместе с живописцами были объединены в цех, судя по сохранившемуся любопытному документу от 1807 г. — листу сбора пожертвований в помощь защитникам Буэнос-Айреса от английских интервентов. На этом листе фигурирует десять подписей «цеховых музыкантов». Без сомнения, в Кордове в то время музыкантов было гораздо больше.

Рядом с кафедральным собором — кармелитская церковь Св. Терезы Авильской; позади собора — действующий монастырь Св. Екатерины Сиенской. (В 1970 г., по благословению Папы Павла VI, обе

эти святые получили титул «Учителей Церкви»). Неподалёку от бывшей церкви Общества Иисуса находится старинное здание с большим внутренним двориком. В центре — памятник одному из «отцов-основателей» университета — брату Фернандо Трейо-и-Сабриа. Перед входом надпись: «Манзана Иезуитика. Национальный Университет Кордовы. Коллегия Божией Матери Монтсерратской. По решению ЮНЕСКО объявлена «всемирным наследием человечества»... †

Лицевое шитьё пришло на Русь из Византии вместе с христианской верой. Произведения лицевого шитья — это плащаницы, хоругви, покровы, пелены (вышитые иконы), воздухи, покровцы, походные иконостасы с вышитыми изображениями персонажей Священной истории. Древнейшие образцы русского лицевого и орнаментального шитья принадлежат к XI в. А самые древние из имеющихся в наших музеях византийских памятников относятся к XIV в.

ЛИЦЕВОЕ ШИТЬЁ

Плащаница «Положение во гроб». 1561. Москва

ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

Марина Сущенко

Изображение вышивалось на шёлковой ткани, обычно привозной и дорогой, разноцветными шёлковыми и металлическими (серебряными и золотыми) нитями; в позднейшие времена широко применялись жемчуг и камни. При шитье шёлком использовались два вида глади: «в раскол» и атласный шов.

Металлическими нитями работали иначе — «в прикреп». Их накладывали поверх ткани, прикрепляя сверху шёлковой нитью. Таким образом на золотом или серебряном фоне получались разнообразные геометрические орнаменты, что в целом производило впечатление искусно обработанного ме-

талла. Контуры часто подчёркивались рельефным металлическим шитьём.

Византийская традиция, утвердившись на Руси, вобрала в себя дохристианское искусство вышивки и, преобразовав его, стала своеобразным национальным видом изобразительного искусства.

Наибольшее развитие лицевое шитьё получило в XV и первой половине XVI в. Произведениям этого периода свойственны выразительность, «живописность» — использование разноцветных шелков с умеренным употреблением металлических нитей, особая одухотворённость, изящество рисунка, динамичность композиции. Они отличаются высокой культурой цветового решения и тонким чувством материала. Интересно, что в это время наивысшего подъёма достигло и иконописное искусство. Очевидно, духовная, творческая жизнь народа была тесно взаимосвязана тогда с ростом национального самосознания после победы в Куликовской битве.

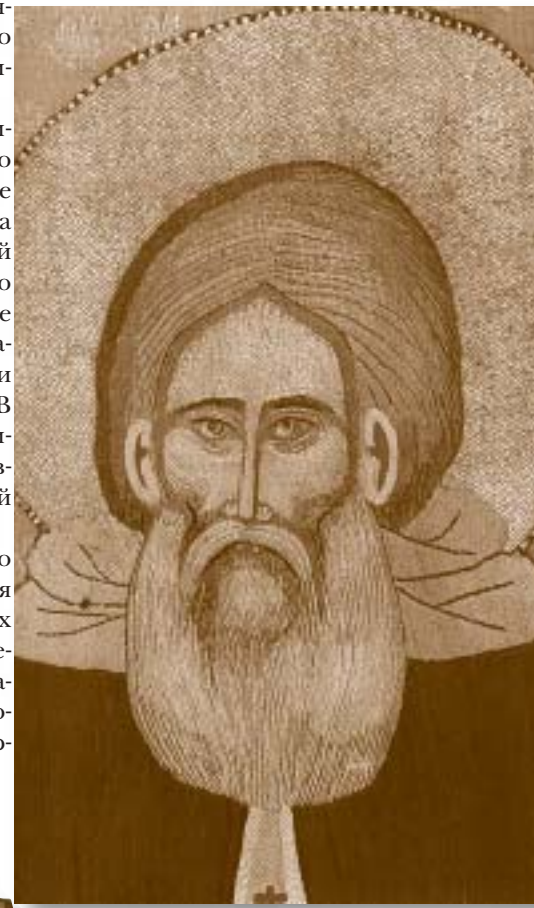
Со второй половины XVI в. в шитье всё больше используются золото и серебро, усложняются технические приёмы. Художественные средства соответствуют цели, ради которой они применяются, — отображению живой духовной реальности. Самые значительные произведения создавались в боярских, великокняжеских и царских мастерских — «светлицах». В них работали художники-знаменщики и вышивальщицы, принадлежавшие как к знати, так и к дворцовой челяди.

XVII столетием развитие лицевого шитья заканчивается. Демонстрация технических средств и эффектных приёмов постепенно становится эстетической целью. Вершиной этого этапа можно считать произведения, созданные в Сольвычегодске, в мастер-

Пелена
«Зосима и Савватий Соловецкие».
Вторая пол. XVII в.

ских торгово-промышленных предпринимателей, «именитых людей» Строгановых. В строгановском шитье явственно выразился дух времени: постепенное движение в сторону обмирщения, к знакам не духовного, а осязаемого, земного стяжания. Отчётливо виден перевес в сторону драгоценных материалов: камней, жемчуга, золотых и серебряных дробниц (пластинок) и нитей. Шитое изображение напоминает икону в драгоценном окладе. Проработка ликов схематична, условна. Изображения утрачивают глубину, прежнюю одухотворённость,

Архангел Гавриил и Василий
Пирийский. Фрагмент пелены
«Праздники и святые». 1499

занный православием, затворнический образ жизни женщины высшего круга. Пришедшим к мужу гостям жена обычно показывалась лишь на несколько минут в конце трапезы: трижды перекрестившись перед стоявшей в углу иконой, низко поклонившись гостям, она молча подносила им кубки с вином. Девицы лишь по праздникам осмеливались подходить к окнам своего терема, чтобы посмотреть на гуляющий люд...

Уклад и обычаи Древней Руси, пожалуй, не оставляли женщинам никакой иной возможности для творчества, кроме художественного шитья. Возможно, потому так высок уровень мастерства в лучших образцах этого искусства.

Произведения лицевого и орнаментального шитья высоко ценились в Древней Руси. Это и понятно: процесс работы над ними трудоёмок, длителен и многосложен. Их бережно хранили. В богослужении вышитые изображения использовались исключительно в праздничные дни. И до нашего времени их сохранилось в сотни раз меньше, чем писанных икон.

Среди состоятельных граждан было принято заказывать вышитые образы и затем «вкладывать», т. е. дарить их в храм или монастырь. Содержание изображения определялось «вкладчиком» и было связано с событиями и обстоятельствами его личной молитвенной жизни — помин души родственника, здравие живущих, рождение наследника и т. п. В отличие от произведений иконописи, в ос-

Покров «Св. Сергий Радонежский».
20-е гг. XV в. Фрагмент

выразительность, живость и становятся редуцированными обозначениями образа.

К концу XVII в. произошла деформация художественного языка лицевого шитья как адекватного способа отображения духовной действительности.

Развитие и процветание искусства лицевого шитья в Древней Руси во многом обусловил тогдашний, прони-

новном безымянных, к шитым вещам сложился более персонифицированный подход. На многих из них указывались имена дарителей, даты, названия храмов, поводы, по которым создавались эти произведения.

В XVIII в. высшее русское общество обрело вкус к европейским развлечениям: введённые Петром ассамблеи сменились непрерывными балами, маскарадами, поражавшими размахом Европу. Высшее общество, в котором развивалось и процветало искусство лицевого шитья, расцерковилось. Теперь золотом, серебром, жемчугом и драгоценными камнями стали расшивать одежды, предназначенные для бала. Костюмы того времени отличаются пышность, роскошь, тяжёлое великолепие.

Развитие древнерусского лицевого шитья прервалось почти на 300 лет.

Попробуем раскрыть некоторые особенности этого вида творчества. Иконы, выполненные стежками нитей, так же, как и произведения иконописи, призваны вещественно обозначить свойства первообраза, существующего в реальности иного рода, чем та, которую видит глаз. Однако

Пелена «Избранные святые».
Первая пол. XVI в. Москва

Покровец «Богоматерь
Знамение». 1630

Фелонь.
Кон. XVII в.
Фрагмент

технология и материал имеют свои ограничения. Создать изображение с помощью нити – сложное искусство. Ведь каждый стежок имеет объём, т. е. длину, высоту и ширину. Как бы ни была тонка нить, как бы ни был мал стежок, трудно добиться пластичности. Рисунок почти неизбежно огрубляется, особенно при выполнении лика. Техника шитья не позволяет передать объёмность форм так, как это можно сделать при помощи красок. Большую сложность представляет и колористическое решение, т. к. в распоряжении вышивальщицы имеются уже готовые цвета и невозможно, как в живописи, составить нужный цвет. Кроме того, весь процесс работы распадается на прерывные, растянутые во времени этапы, и автор рискует

Палица «Преображение». 1658

Плащаница
«Мученик Иоанн».
1670-е гг.
Фрагмент

Пелена «Свв. Пётр и Феврония Муромские». XVII в. Муромский музей

Покров «Александр Свирский». 1645

впасть в механистичность, потерять видение образа в целом.

«Технические» факторы приходится компенсировать напряжённым внутренним моделированием целостности замысла. Если этого нет, искажения будут столь значительны, что может получиться настоящая карикатура. В иконе, писанной красками, даже если она выполнена механистически, недостаточное духовное тщание автора будет не так заметно, как в шитом образе — в силу гораздо больших возможностей самих красок.

Так что создание полноценного молитвенного образа в технике лицевого шитья предполагает предельное духовное напряжение и огромную ответственность в каждое мгновение работы. К тому же у мастера фактически нет права на ошибку — её очень трудно потом исправить: в технике древнерусской глади каждый последующий стежок закрепляет предыдущий. Здесь невозможно, как при писании иконы, смыть, соскрести или записать неудачное. Необходимо «снайперски», сразу попасть нужным цветом, нужным стежком в нужное место.

Неподатливый материал требует неустанного превозмогания его естественных свойств. Работа над шитым образом сравнима с дерзновенной битвой Иакова с Богом за преодоление положенных Им законов естества.

Вместе с тем образ, выполненный в технике лицевого шитья, имеет ряд качеств, делающих его богословски более адекватным предназначению. (Напомним, что первой иконой был плат, *отобразивший* лик Спасителя, а на иконной доске мы получаем уже её *изображение*.) Нити, благодаря своей объёмности, а также движению внутрь ткани-основы и обратно, отражают и преломляют свет, и это создаёт ощущение необычайной лучистости, светоносности: кажется, что изображение живёт и дышит, мерцает и переливается. Случайности освещения, отражаясь на той или иной части изображения, придают ей временную, одномоментную объёмность, символизируя непознаваемую переменчивость Духа, Который «дышит, где хочет». Мало того, нетвёрдая основа, на которой создаётся образ, не просто является его носите-

Епитрахиль. Кон. XVII в. Фрагмент

лем. Изображение располагается не только на поверхности, как в писанной иконе, а уходит вглубь, так что на оборотной стороне получается точно такое же изображение. Вышитый образ пронизывает, проникает свой материальный носитель, вовлекая его в свою жизнь и делая его своим полноценным элементом. Этот материальный субстрат активно втягивается в изображение, растворяется в нём, приобщаясь миру невещественных, преображённых персонажей. Образ, проникая сквозь основу, на которой он создается, одухотворяет и преображает её. В этом — один из секретов воздействия вышитых икон на людей.

«Магия» вышитого образа, его необыкновенная теплота связаны и с тем, что в процессе работы нити непосредственно соприкасаются с рукой мастера и в ткань таинственным образом вплетается его молитвенная энергия. Благодаря необычайной длительности процесса она концентрируется и аккумулируется.

Во всех этих структурно-технологических особенностях заключён глубокий богословский смысл. В технике лицевого шитья символизируется категория *преображения* — вещественная, материальная основа, несущая изображение, преобразуется. Более того, пронизанность материальной основы, ткани, видимым образом утверждает идею проницаемости нашего материального, поюстороннего мира Божественным присутствием. Вышитый образ проникает в ткань и существует на ткани — на гленной «земной» вещи, словно олицетворяя постоянное присутствие Бога и святых в нашем земном мире, пронизанность нашего бытия миром невещественным.

Последние десять лет церковное искусство — иконопись, мозаика, фреска — переживает подъём. В этом ряду лицевое и орнаментальное шитьё — особый случай. Как уже говорилось, процесс создания шитой иконы долот, трудоёмок, требует большой подготовительной работы, а самое главное, особенного, аскетического состояния духа, молитвенной сосредоточенности. И, безусловно, определённого образа жизни, максимальной выключенности из обыденных проблем и при-

Покровец «Богоматерь знамение». Кон. XVII в. Фрагмент

«Предста царица». Одежда на престол. 1602. Фрагмент

М. Сущенко.
Пелена
«Божия Матерь
Андрониковская»

вышивания. Вышитый образ — символ особого молитвенного усилия. Это как возжигание свечей в храме. Электричество в нём давно уже вытеснило освещение свечами, но, видимо, не исчезнет традиция использования «живого» огня, символизирующего жертву и живое чувство души, обращённой к Богу.

Сейчас как в иконописи, так и в шитье довольно часто можно заметить подражание древним образцам. Как момент «учёбы» такую практику ещё можно понять. Если же это станет устойчивой тенденцией, то подражание может перейти во внешнюю имитацию и даже «клонирование». Замена живого содержания сухим «правилом» — свидетельство духовной беспомощности.

Наши предки совсем не так, как мы, представляли себе изображение на плоскости. Визуальная культура за века подверглась глубоким изменениям. Глаз современника воспитан на достижениях многовековой истории живописи и новейших достижениях фотографии, кино, полиграфии. И элементы технического несовершенства и наивности в рисунке, воспри-

вычного ритма. И если в древности занятие вышиванием образов отвечало религиозному духу всей культуры и поощрялось Церковью и состоятельными слоями общества, то в наши дни такой вид деятельности часто даже среди православных людей, среди иконописцев расценивается как воплощённый анахронизм. Конечно, условия и ритм нашей жизни, нынешние типы общественных отношений бесконечно далеки от неспешного быта наших предков. Нарциссический характер современной культуры не оставляет места тихому, интимному процессу создания шитой иконы. Есть ли сегодня перспективы у лицевого шитья?

Потребность в святых изображениях для храмов и домашней молитвы растёт, но и сонм иконописцев ширится, удовлетворяя эту потребность. Шитые же иконы пока не нашли себе места в пространстве церковного искусства. Это отчасти объяснимо как раз тем, о чём говорилось выше: достаточно динамичный процесс писания иконы более соответствует характеру времени, чем тихий стоицизм

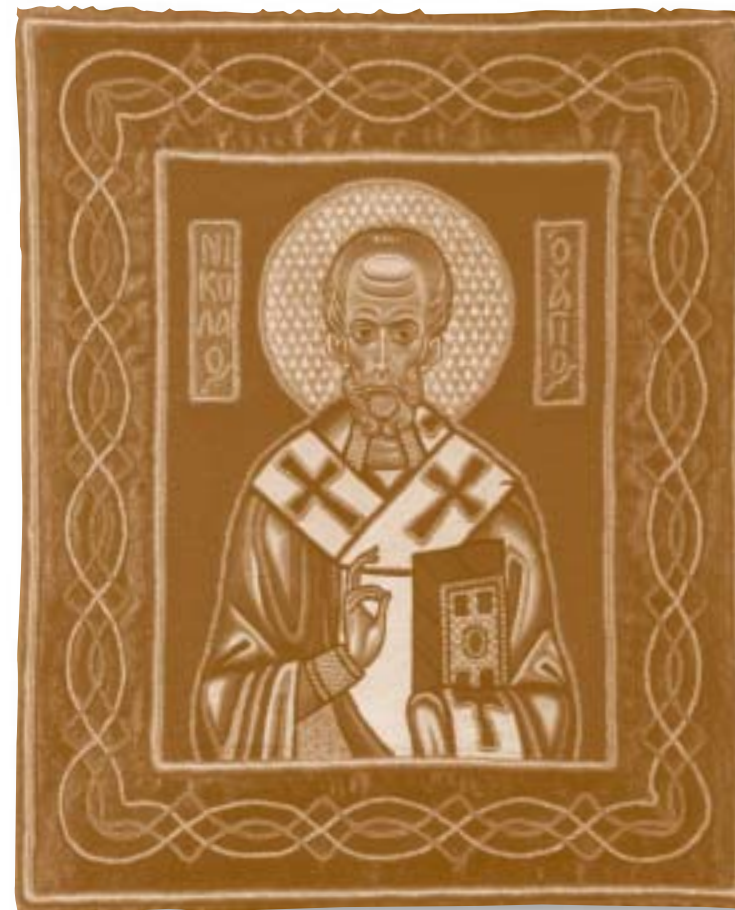
М. Сущенко.
Пелена
«Великомученик
Георгий
Победоносец»

нимавшиеся в далёкие времена как норма, теперь зачастую вызывают впечатление досадной неуклюжести. Буквалистское имитирование внешних черт древнего стиля знаменует собой, с одной стороны, вызов времени, а с другой — беспомощную попытку его «подморозить», лукавые мечтания вернуться в романтизированную «Святую Русь». Это можно считать и бегством от реальности, и бунтом против неё.

Как в иконописном искусстве, так и в его ответвлении — иконном шитье, которое в целом отвечает общим стилистическим признакам иконописи, сейчас нет единой сложившейся школы. Есть и откровенный китч, и более или менее добросовестная работа в стилистических рамках самых различных эпох. В одном временном пространстве сосуществуют сформировавшиеся в разные периоды истории и ожившие вдруг ныне традиции и стили... Сегодня самая главная задача в области изобразительной сферы церковного искусства — осознать возможности и границы воплощения канонических правил и приёмов в контексте современного эстетического видения.

М. Сущенко.
Пелена
«Божия Матерь
Игоревская»

М. Сущенко.
Пелена
«Святитель
Николай»

Вспомним, что в прошлые времена вышитые изображения заказывались состоятельными людьми в связи с какими-то ответственными, значимыми событиями или обстоятельствами. Сегодня их у нас ничуть не меньше. И состоятельные люди среди верующих есть. Так что возможно возобновление традиции заказывать вышитые образы. И тогда суждена жизнь и будущее уникальному русскому искусству. †

автор **Марина Владимировна Сущенко** — специалист в области социологических проблем культуры и искусства. Работая в Государственном институте искусствознания и Российском институте культурологии, много лет изучала традиции и опыт древнерусского лицевого шитья. М. Сущенко — член иконописной секции Творческого союза художников России

КОШКИ И ЛЮДИ

Галина Клюковкина

Если ищешь ответы на духовные вопросы, то в какой-то момент начинаешь замечать, что с тобой разговаривают. Тебе отвечают. И совсем не всегда строго и «по учебнику». Начинаешь всматриваться, вслушиваться и замечать то, чего не видел раньше. Начинаешь понимать, что ответы даются самым разным образом. Что разговор может быть ироничным или вот — через котов

Твид

Мишель

Виски

ВИСКИ

Моя дочь Наташа проходила стажировку в университете Техаса и получила в подарок необычного котёнка. Студенты из университетского городка, узнав, что котёнок поедет в Россию, в шутку посоветовали назвать его Водка. Наташа возразила: поскольку он американец, то уж лучше — Виски. Так это имя и осталось за ним.

Он подросток на ранчо на юге Техаса, бегал за коровами, армадиллами, охотился за гекконами. Он стал сильным и смелым, но перелёт в Москву — дело нешуточное. Летел почти сутки с тремя взлётами и посадками, с перегрузкой. В Шереметьеве я получила клетку с измученным котом и стала его спасительницей.

Ничуть не умаляя достоинств других наших любимых питомцев, всё-таки нужно признать: этот кот поражаел. Очень крупный, серый с широкими полосами, с мощными лапами, а главное... с руками. Шесть (а не четыре, как обычно) пальцев его передней лапы образуют как бы кисть руки с противопоставленным большим пальцем, так что он ходит, как обезьяна, отставив большой палец. Он может пользоваться своей рукой — взять карандаш, вилку, поднять кружку, открыть дверцу или окно, взявшись за ручку.

Такая мутация — лапа с шестью пальцами — произошла в природе у мелкой дикой рыси, вернее, у боба, живущего на севере Америки. Скрестившись с местными кошками, бобы передали им эту и другие особенности. Все знают, что Хемингуэй любил кошек, но не знают, что именно таких. Он их разводил на своём ранчо, разводил. И сейчас в Техасе их называют «коты Хемингуэя» или «кошки-варежки», так как у некоторых противопоставлен не один палец, а два одинаковых, что делает мохнатую кисть похожей на варежку.

Но больше всего Виски поражаел своим характером, хочется сказать — личностью. Огромное чувство собственного достоинства во всём. Безрасудно смелый, решительный, уверенный, Виски не подлизывается, ничего не кланчит, не унижается. На него нельзя кричать, его нельзя выгнать, шуруя палкой. Он не побежит трусливо. Сядет, гневно и твёрдо посмотрит на тебя, а после встанет и выйдет — сам. Суверенное существо. И при этом

— огромная, исключительная любовь к хозяевам и необходимость постоянно её подтверждать и выказывать. Утром Виски прыгает на плечо, обнимает лапами за шею, бодает крупной головой и затихает. Он прижимается так нежно, он любит так преданно и пылко... И только после того, как взаимная любовь и уважение подтверждены, он пойдёт к миске.

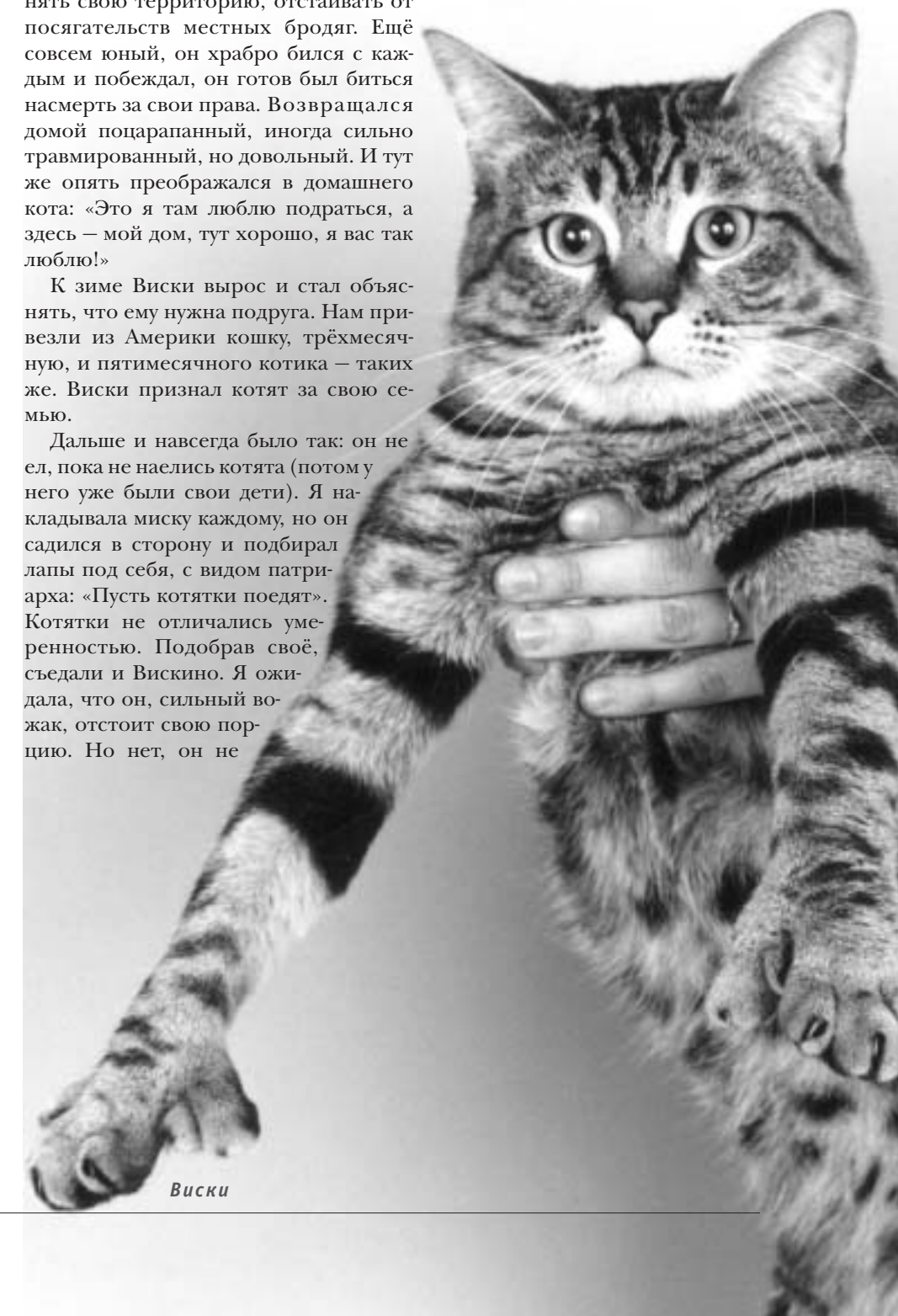
Однако на даче, среди себе подобных, Виски совершенно меняет поведение. Первая обязанность — охранять свою территорию, отстаивать от посягательств местных бродяг. Ещё совсем юный, он храбро бился с каждым и побеждал, он готов был биться насмерть за свои права. Возвращался домой поцарапанный, иногда сильно травмированный, но довольный. И тут же опять преображался в домашнего кота: «Это я там люблю подражаться, а здесь — мой дом, тут хорошо, я вас так люблю!»

К зиме Виски вырос и стал объяснять, что ему нужна подруга. Нам привезли из Америки кошку, трёхмесячную, и пятимесячного котика — таких же. Виски признал котят за свою семью.

Дальше и навсегда было так: он не ел, пока не наелись котята (потом у него уже были свои дети). Я накладывала миску каждому, но он садился в сторону и подбирал лапы под себя, с видом патриарха: «Пусть котятки поедят». Котятки не отличались умеренностью. Подобрал своё, съедали и Вискино. Я ожидала, что он, сильный воjak, отстоит свою порцию. Но нет, он не

отнимет у детей и самок. Через четыре дня у Виски запали бока. Пришлось мне кормить его в своей комнате.

Существуют расхожие мнения: «У сильного всегда бессильный виноват», «Сильный всегда пожирает слабого», «Кто смел, тот два съел» и прочее, и прочее. Это не о животных, это о людях. И, казалось бы, понятие благородства применимо лишь к человеческому сообществу, благородство — это дар цивилизации, а в животном мире всё иначе. Ничего подобного!

Виски

Так, наверное, и задумывалось Создателем. Сильный — это тот, кто может бороться с сильным, отстаивать пространство для своей семьи, но будет защищать и поддерживать слабого, даже себе во вред. Под силой — и человека, и животного — нужно понимать не физическую, а некую внутреннюю силу и смелость. Смелость сражаться и любить.

Как-то в одной компании обсуждалось, что такое «настоящий мужчина». Наташа сказала: «У меня кот такой». Все засмеялись, но это было сказано всерьёз.

Рядом с Виски хочется и самой уметь так любить и так сохранять достоинство. Он и просит с достоинством! Сядет спокойно, твёрдо расставит ручки и уверенно ждёт. Глаза выражают: «Я проголодался и жду». Или: «Я хочу к тебе в комнату» — так и сидит у двери. Его абсолютная уверенность во мне — что внимательна, что помню, отзовусь, — иногда даже смущает. Приходится подтягиваться, соответствовать, чтобы не упасть в его глазах.

Сама я так просить не научилась. Ни людей, ни Господа.

Твид

Однажды к нам приехал молодой котик. Его просили привезти, а потом не взяли, и он остался у нас. Внешне кот был похож на Виски, правда, чуть полегче, потоньше лапы, а характер — совсем другой.

В Америке нет бродячих животных, и как заблудились в прерии двухмесячные котята, неизвестно. Их нашли школьники из городка со славным названием Мраморные Водопады. Выжил только один. Школьники знали, что рядом на ранчо живёт человек, который привечает многопалых котов... Вот он-то и приехал посмотреть Москву и привёз пятимесячного котика, названного Твидом.

Кот был дурашливый и нелепый. Ни о каком чувстве собственного достоинства он не имел понятия. С помоечного детства осталась привычка просто душно и беспардонно лезть везде, есть всё подряд, пока «глаза не сыты». Несмотря на эти не очень приятные свойства, у него была какая-то особая мило-та и огромное желание быть полезным. Например, он любил лечить хозяев и гостей — умел вытягивать боль. На даче он повёл себя практично. Он не стал ни с кем биться, защищать терри-

торию, а сразу пошёл на разведку — где можно пожить.

Проявления ревности и зависти я видела потом у котят частенько, но у Твида первого. Особенно раздражало его, когда появлялись котята и я начала кормить Виски у себя в комнате. Однажды я кормила их деликатесом — головой лосося. Дала в кухне Виски и Саре; Твид спал, и его порцию я сохранила. Когда он проснулся, я, чтобы не будоражить остальных, дала ему есть в своей комнате. Но бедный Твид не мог есть — ему дают отдельно! Что же там дали Виски? Он ринулся на кухню, проверил — нигде ничего. Глаза вылезали из орбит. Ему! Дали такое!! В хозяйкиной комнате!!! Он ел. Бросал. Мурлыкал. Снова принимался.

Тут хорошо виден механизм действия комплексов. Он сам решил, что он никому дынный. В детстве оказался брошенным и почувствовал своё абсолютное одиночество. В этом мире для него не было еды, заботы, защиты, а сам он был мал и беспомощен, и никто не отзывался на его зов. Попав к людям, он не понял, что им можно доверять; его мироощущение не изменилось. Он страстно хотел любви, но не верил и «не брал» её. Он хотел доказательств. Доказательств чего? Что любят? Что не бросят? Или что предпочитают его всем?

Как, спрашивается, можно было выправить положение Твида? Никак. Он сам не брал того, чего хотел и что ему давалось. Он не догадывался, что это так просто.

«Имеющему даётся, у неимеющего отнимается то, что имеет» — есть такая очень болезненная фраза в Библии. Эта фраза когда-то просто сразила меня — ведь я хотела просить у Господа как раз того, чего у меня не было. И вдруг такой ответ! Иногда жаль, что Библия не написана как школьный учебник — чтобы всё было понятно. Сейчас я эту трудную фразу понимаю так: если чего-то нет и про- сишь, нужно уметь увидеть, что тебе даётся, поверить и взять — протянуть руку, или душу, или сердце. Иначе подарок будет дан, а ты не возьмёшь. Не заметишь, что тебе дали, мимо пройдёшь и будешь страшно разочарован невниманием, будешь говорить: «Меня не любят, не замечают, я отвержен».

Твид хотел, чтобы его любили одно- го или как Виски. Бесплезность, не- правильность этого желания была оче- видна. Его любили, но даже если бы Виски исчез, Твида нельзя было бы любить как-то по-другому или больше. Его можно было любить только как Твида. Любовь не переносится, она конкретна — к человеку ли, к коту. Скольким знакомым я пыталась это объяснить! Про котов — понимают, а про себя — нет.

Преступление Каина было совер- шенно бесполезным. Мы каждый день совершаем такие бесполезные пре- ступления. И мучаем себя зря. Очень часто нас не устраивает та любовь, ко-

Мишель

торая нам достаётся. Скажем, любят как дурашливого милягу, а хочется — чтобы как многоумного, или как победителя, или как принцессу. Это говорят детские нереализованные амбиции.

Нас не могут любить другой любовью, если мы сами не соответствуем желаемому образу. Однако любовь дорогих, значительных для нас людей, выступая иногда как подъёмный кран, позволяет нам выстроить душу, помогает созреть личности. И тогда амбиции отваливаются, как кора, чтобы появилась живая, пульсирующая душа, свободно дышащая, которая не будет судиться-рядиться с другими.

Тем более так действует любовь Бога.

И, глядя на Твида с его замашками помоечного кота, я думала: «А мы какими чувствуем себя по отношению к Создателю — домашними или дикими?» Похоже, что дикими. Только считая мир помойкой, можно хватать, драться из-за куска и удирать стремглав, ожидая пинка.

...Твид прожил у нас год. Понял, подстроился к хозяевам, а потом нашёл себе других.

Сара и Мишелька

Сара в трёхмесячном возрасте прилетела к нам из Америки. Прилетела буквально на плече своего американского хозяина и всё время его пребывания у нас с этого плеча не слезала. Она выбрала его в качестве Хозяина и, когда он уехал, нас так и не признала. Я пела ей песни: «Сарочка — такая хорошая кошечка, такая умница, красавица, мы тебя любим». Она слушала снисходительно и с сожалением: «Ваша любовь — это совсем не то, мне нужен Он».

Зато она признала котов — Виски и Твида. Она ими верховодила, придумывала игры и забавы, увлекая за собой. Сара действительно умница, выдумщица.

Появились котята, и среди них — дочка Твида, чёрная девочка с лапка-ми-варежками. Крошечная, она смотрела на мир восторженными глазами: «Как прекрасен мир, жизнь и люди вокруг! И я живу в этом замечательном мире, как хорошо!» Она нам так понравилась, что мы её оставили и назвали Мишель.

Сара, как только заметила наше внимание к Мишельке, стала ревновать. Она напала на Мишельку яростно, рвала её, а после ожесточилась на весь белый свет. Война в её душе шла по всем фронтам.

А разве у людей не бывает так? Мы тоже выбираем себе кого-то, наделяем его нужными нам качествами, делаем из него недостижимого кумира и отка- зываемся от той жизни, которая нам дана, ради придуманной мечты. Мы страдаем, ищем и не понимаем, что часто страдания и даже потери быва- ют даны нам как спасение. Мы так легко впадаем в отчаяние, уны- ние, так легко топим нашу жизнь и надежду, что протянутой нам руки не замечаем, спасения не видим и обесцениваем свою жизнь.

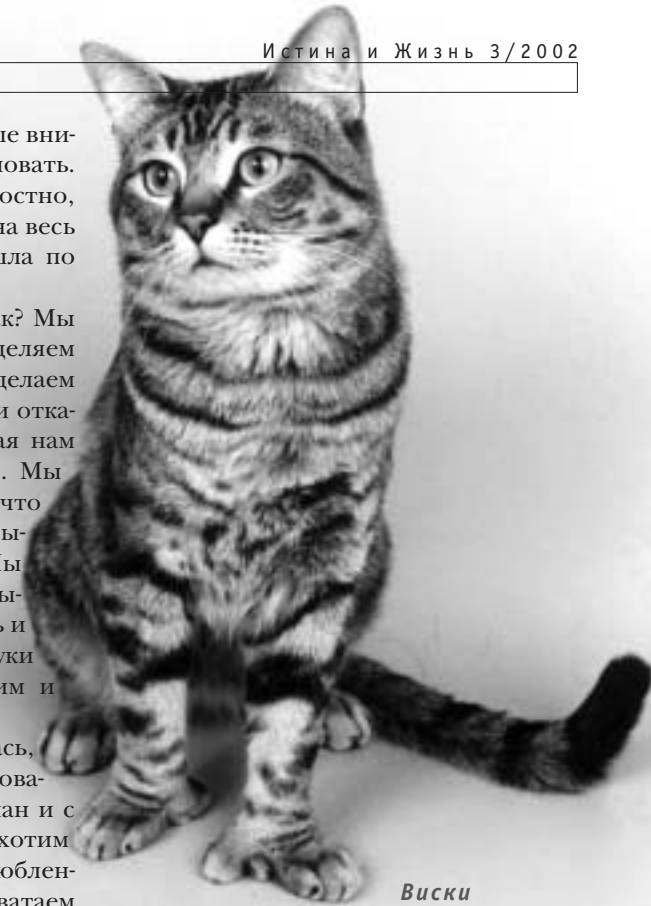
А когда мечта вдруг воплотилась, как жестоко мы бываем разочарованы, ведь кумир был нами выдуман и с реальностью не совпадал. Мы хотим каких-то других родителей, возлюблен- ных, мужей, работы. Рвёмся, хватаем что-то, потом видим, что это — ненужное, и не знаем, что делать... Не замечаем, не ценим данное нам, ищем недо- стижимого. Не понимаем, что всё даётся в своё время, и гораздо лучшее, чем мы нашли бы сами.

Сара хотела иметь идеального хозяина и не замечала, что живёт в тёплом любящем доме. Впоследствии она нашла себе новую хозяйку.

...Да, у Мишельки детство было неспокойным. Она искала защиты у Виски, ей было хорошо в его толстых лапах. Через некоторое время Мишелька повеселела, однако неуверенность так и осталась в ней. А также наследст- во Твида, о котором мы не подозревали.

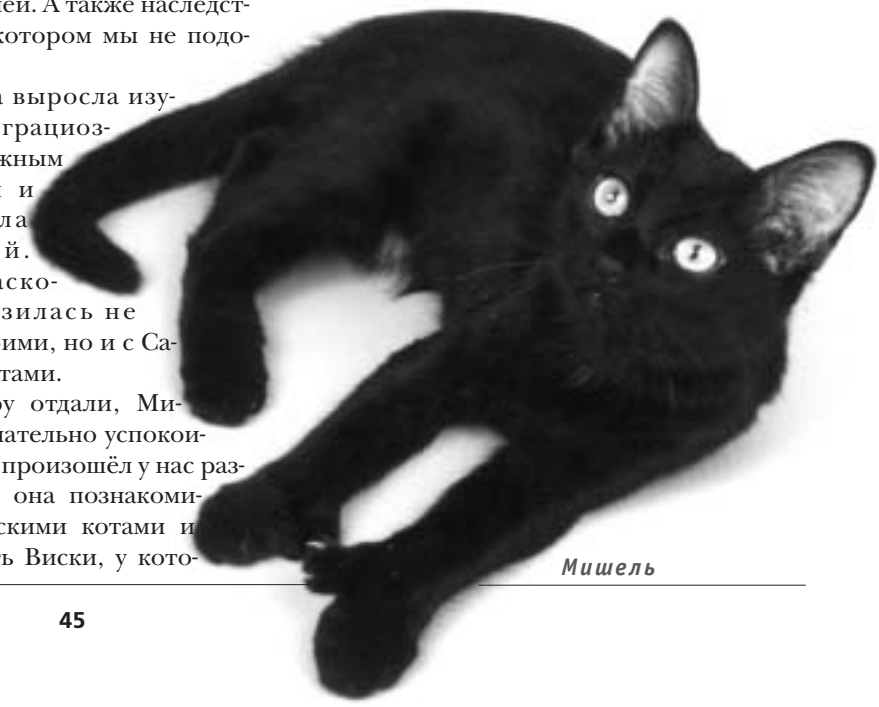
Мишелька выросла изу- мительным, грациоз- ным и подвижным созданием и вскоре стала юной мамой. Добрая и ласко- вая, она возилась не только со своими, но и с Саринными котятами.

Когда Сару отдали, Ми- шелька окончательно успокои- лась. Тут-то и произошёл у нас раз- лад. На даче она познакомилась с соседскими котами и стала обижать Виски, у кото-

Виски

рого в течение двух лет искала покро- вительства, и я перестала брать её на плечо, не разрешила спать у меня в комнате. Мишелька была ошеломлена отторжением, но моих возмущённых ти- рад не понимала. Потом она помири- лась с Виски, и я её тоже простила, но, видимо, сказались в Мишельке папины гены: мы увидели в ней стереотипы по- ведения Твида. Она, наверное, решила, что её теперь совсем не любят. Ей хоте- лось, чтобы я не обнимала Виски, не ла- скала котят, чтобы её кормили первой и т. д. Она снова хотела доказательств своей первосортности. Боюсь, что не

Мишель

только Мишелька вела себя как нелюбимая, но и я не умела полностью забыть былое раздражение и действительно относилась к ней уже иначе...

Для людей это очень актуальная проблема — несение вины, неумение освободиться от состояния своей греховности, неполучение прощения. Всё это переводит нас в «низший сорт». Если нас обидели, унизили, но потом извинились, способны ли мы начать с нуля, забыть обиду? Или подспудно будем ждать повторения? И очень часто за такое принимаем любую мелочь, и жизнь превращается в вечный конфликт. И, с другой стороны, если нечаянно обидели мы, то чаще всего стараемся оправдаться, поскольку иначе мы будем чувствовать себя виноватыми. Не умеем признать, попросить прощения и позволить себе жить свободно, без груза вины.

Мы грешим, падаем, но надо подниматься и жить сызнова. Очень трудно приходит понимание этой простой истины.

Котята

Котята первые дни в кольце маминых лап. Она их обнимает, прижимает к се-

бе, мурлыкает как-то по-особенному. И всё время их лижет — не просто «кушает», а передаёт им так свою любовь и ласку.

Рождение — будь то человеческое дитя или котёнок — это выход в пугающую неизвестность, сильный стресс. Свет, шум, отделённость от мамы. Страшно. Наблюдая за кошками с котятами, я поняла, что она своим громким мурлыканьем и объятиями говорит деткам: «Всё хорошо, нет ничего страшного, вы в маминых лапах... жить хорошо, вам понравится... вы самые замечательные, бесценные, я всегда с вами» и т. д. И так она с ними и день, и неделю, и месяц — сама знает, сколько надо.

Первые мгновения жизни очень важны, они влияют на всю последующую жизнь человека. Сейчас вроде бы спохватываются, дают маме в роддоме сразу прижать новорождённого к сердцу. А то ведь обычно унесут его подальше от мамы, положат в ряд с воящими от ужаса, такими же одинокими младенцами... Так положено! У матери ведь и молоко ещё не подошло, а нянечка накормит чужим. Оно, конечно, если о душе не думать, то одной еды и сухих пелёнок достаточно. Да только малыш про наши больницы и нянечек не знает, а знает только одно — маму!

Что же мы во всём пытаемся Господа Бога поправить?

Свою дочь я сразу начала воспитывать по старинным рецептам: к рукам не приучай, ребёнок избалуется, с рук не сойдёт; ребёнок должен уметь быть один... Вот тебе игрушки — и в манеж... Вероятно,

Первое знакомство.
Внизу — Сара

Снова
Виски

очень наивно рассуждать на примере кошек, но они помогают прояснить для себя некоторые вещи. Очевидно, что наше воспитание, нацеленное на успех, исказило значимость жизни. Наши методы воспитания стали напоминать дрессировку, причём дрессировщик чаще всего раздражённый и усталый. В то время как первая задача мамы — вдохнуть в ребёнка радость, ценность его жизни. Ценность не только для неё, для мамы, но — вообще. Это радость — жить. Жизнь прекрасна. Жизнь священна. Она дана нам в дар. Она познаётся любовью. Иначе жизнь становится борьбой, а то и войной.

Любовь и уважение к ребёнку — это инвестиции, которые будут давать отдачу и ему и вам в течение всей жизни.

...Котята так хороши, что трудно с ними расстаться. Но раздаём.

Вдруг одна очень похожая на Виски девочка возвращается к нам. С поломанной лапой, затравленная, в глазах ужас. Я взяла её к себе, баюкала, успокаивала. Дня через два она повеселела. Успокоилась, узнала маму, дом. Подросла, стала весёлая, игривая. Можно другим людям отдать, только в хорошие бы руки. Но я

и не заметила, что, пока её выхаживала, она запустила коготки в моё сердце. Это уже моя кошка! Как быть? Это мы уже проходили — два кота, две кошки. Нужно отдавать. И я как по сердцу рванула.

Лавину любви, катившую на неё, теперь нужно остановить. Останавливаешь, и идёт обратная, приливная волна воспоминаний о потерях — о всех, кого любила самозабвенно и потеряла или отдала. Очень больно... Жалея меня, Наташа предлагает: «Ну хочешь, оставь». Уже и оставить не могу — внутри будто надорвалось.

И девочка-котёнок сникла. Она печально ушла к очень хорошим людям, даже попрощаться не захотела.

Нет, так нельзя! Теперь я учёная. История повторилась через год. Котёнка — серая, полосатая, чуть пушистая — сама выбрала меня. Стала забираться на плечо, мурлыкать, тереться. Ах ты, хитрюга! Ты меня своими толстыми лапами уже не возьмёшь. Я тебя покормлю, а хозяева у тебя будут другие.

Но Котёнка задержалась, заполонила дом своей радостью и играми. А какая чуткая! Я из-за чего-то расстроилась, потекли слёзы. Она почувствова-

ла, прыгнула на стол, подошла и стала обнимать лапками лицо и вылизывать мои мокрые щёки. Я понялась. Нет, кроха, люби так кого-то другого... Как она кричала, когда её отдавали! Но через день уже освоилась в новом доме, хозяин нашёл к ней подход.

После предыдущего случая я только чувствительность «закрыла», а связь всё равно установилась. Та связь, которая незримо соединяет два существа, даже такие разные. Котёнка привязалась к новому хозяину, а мой конец обрванной ниточки повис...

Святые советовали любить всех, но ни к кому не привязываться. Помню, что когда-то эти слова меня оттолкнули, показались какими-то жестокими и пустыми. Сейчас я понимаю, что да, нужно быть готовым в любую минуту отпустить любимых людей и зверей, без глубоких душевных травм для обоих. Без приливной волны, разрушающей сердце.

Как это сделать, пока не знаю.
Вразуми, Господи! †

Фото Валерия Синицина и автора

РАЗНОЦВЕТНЫЕ СТРАНЫ

Гилберт Кийт Честертон

«Сказки Честертон» — словосочетание непривычное, не то что «Сказки Гауфа», «...Андерсена», «...Перро», «...Афанасьева», «...братьев Гримм». Даже «Сказки Киплинга» и «Сказки Оскара Уайльда» не очень привычны нам, но очень привычны англичанам. Сказок же Честертон и там почти никто не читал. Сам он никогда не собирал их в сборник, хотя писал их немало с раннего детства. Самые ранние сохранила мать, а самую раннюю из тех, что вошли в книгу «Неожиданный Честертон», которая скоро выйдет в издательстве «Истина и Жизнь», — друзья по старинной и прославленной школе св. Павла, где он учился. *Наталья Трауберг*

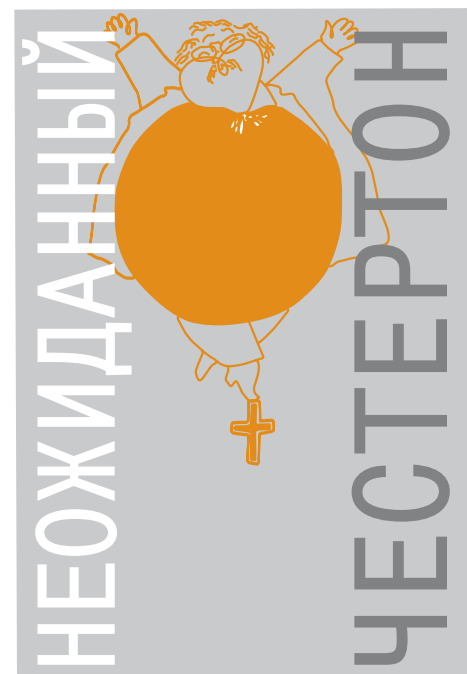
Разноцветные страны

Жил-был маленький мальчик, которого звали Томми — именно звали, поскольку крестили его «Товия Теодор». В роду было много Товий, вокруг не было Теодоров, но родители всё же решили всем этим не хвастаться и делать вид, что он — Томас. Считается (особенно в книгах), что Томми — самое имя для мальчика, а Томкинс — обычная фамилия для взрослых. Кое-каких Томми я знаю, Томкинсов — ни одного; а вы? Однако исследование это заведёт нас слишком далеко.

Словом, как-то в жаркий день Томми сидел на траве у домика, который его родители сняли на лето. Домик был белый, и нашему герою казалось, что стены его — какие-то голые. Летнее небо было синим, что показалось ему скучным. Тускло-жёлтая крыша была, естественно, тусклой и даже пыльной, а розовые кусты стояли таким ровным рядом, что хотелось выбить один-другой, как кеглю. Траву он рвал, словно волосы младшей сестры, хотя сестры у него не было, равно как и брата. Он был единственным, а сейчас — и одиноким ребёнком. В том настроении, которое овладело им, взрослые пишут трактаты

о своём мировоззрении, или романы о браке, или проблемные пьесы. Десятилетний Томми не мог столько натворить и рвал траву, словно волосы воображаемой сестрёнки, когда услышал издали, в саду, какие-то звуки.

Обернувшись, он увидел молодого человека в синих очках и сером костю-

ме, таком светлом, что на ярком солнце он казался белым. Волосы у пришельца были, собственно, жёлтые, но как бы и белые. Их частично закрывала соломенная шляпа, однако, верности ради, гость держал в руке сине-зелёный зонтик. Томми удивился, как он попал в сад, и решил, что ему пришлось перепрыгнуть через изгородь.

— Тоскуешь? — запросто спросил пришелец.

Томми не ответил, и странный гость спокойно снял очки.

— Надень-ка их на минутку, — приветливо сказал он. — Очень помогает.

Из чистого любопытства Томми их надел, и всё странно изменилось. Розы стали чёрными, стена — синей, трава — синеваго-зелёной, как павлиньи перья.

— Совсем другой мир! — сказал молодой человек. — А теперь попробуй вот эти.

И он извлёк другие очки.

— Иногда, по ошибке, их считают розовыми, — пояснил он. — Но они куда ярче.

Томми надел их и оторопел, потому что всё запылало. Небо стало пурпурным и очень блестящим, точнее — сверкающим, а розы раскалились до

красна. Он поскорее снял очки, а гость предложил ещё одни, жёлтые. Сменились они зелёными, и Томми побывал в четырёх мирах.

— Ну вот, — сказал незнакомец. — Выбирай, какой мир тебе нравится.

— А кто ты? — спросил Томми, вдумчиво глядя на него.

— Да кто его знает... — ответил гость. — Наверное, твой пропавший брат.

— У меня нет брата, — сказал Томми.

— Значит, он давно пропал, — не сдался незнакомец. — Честное слово, я жил в этом доме.

— Ты был маленький? — осведомился Томми. — Такой, как я?

— Да, — серьёзно сказал странный человек. — Я был очень на тебя похож. Я тоже сидел на траве и маялся. Мне тоже надоело эта стена и даже красивое небо. Меня тоже раздражали крыша и ровный ряд кустов.

— Откуда ты знаешь, что я чувствовал? — испугался Томми.

— Я сам это чувствовал, — отвечал с улыбкою гость, — и тоже думал, что надо изменить цвета, скажем — пойти по синей дороге, между голубыми полями. Один знакомый волшебник исполнил

моё желание. Я оказался в лесу, среди синих растений вроде гигантских кашек и колокольчиков. Птицы были синие, как попугаи, а понизу бегали синие зверьки.

— Люди там были? — спросил Томми. Гость немного подумал и сказал:

— Да, конечно, но где люди — там бедо. Они не очень ладили. Вот, к примеру, стояла там рота под названием Голубая Прусская, но была и морская бригада Ультрамаринов. Можешь представить, что вышло. — Он опять помолчал. — Однажды, в полукруге синих садов, я увидел бирюзовое здание, и оттуда вышел человек в венце из крупных сапфиров, с синей бородой. Это был Синяя Борода.

— Ты испугался? — спросил Томми.

— Да, сначала, — кивнул гость, — но тут же подумал, что он не так чёрен, ранее — не так синь, как его малюют. Мы потолковали, и я, в сущности, понял. Ему приходилось жениться на синих чулках.

— На чулках? — удивился Томми.

— Это такие женщины, — объяснил гость. — Они всё время читают, да ещё вслух. Словом, я оттуда ушёл, мне помог волшебник. Границу там толком не определишь, как между цветами радуги. Когда я пробирался сквозь павлиньи и бирюзовые леса, мир становился всё зеленее, и я пришёл в зелёную страну. Ты скажешь, что там было приятно, и до какой-то степени не ошибёшься. Но тоже, знаешь, надоест — зеленчики, зелёнка, зелья всякие... Словом, вскоре я перебрался в жёлтую страну. Сперва она мне понравилась — лимоны, короны, подсолнухи, но есть и жёлтая пресса, и жёлтая лихорадка. Через оранжевые края — шафран, апельсины, пламя — я перебрался в красную страну и тут всё понял.

— Что же ты понял? — спросил Томми, буквально обратившийся в слух.

— Наверное, ты знаешь стихи «Розово-алый город, древний, как время»? Вроде бы красиво, а жить в таком городе нельзя. Роз вообще не разглядишь, а всё остальное так пылает, что захочешь чего угодно, хоть бурого, хотя его в спектре нет. Проведя десять минут на алом песке, под малиновым небом, среди багряных деревьев, я возопил: «Нет, не могу!» — и тут же всё изменилось. Передо мной стоял волшебник с бородой, бесцветной, как

слоновая кость, и глаза его сверкали алмазным блеском.

«Да, — сказал он, — угодить тебе не легко. Что ж, попытайся сам».

Я огляделся и увидел разноцветные горы, вроде физической карты или закатных облаков, только твёрдых. Слои были изрыты, искрошены, как каменоломня, и я понял, что это — то самое место, откуда берутся цвета, Божья коробка с красками. Прямо передо мной была расщелина, то ли пустая, то ли перегороженная стеной застывшего воздуха, или света, или воды. Если туда попадала краска, она зависала, как птица в небе.

«Ну, — сказал волшебник, — делай свой мир. Мне надоело твои капризы».

Я осторожно принялся за работу. Сперва я набросал голубого и синего, чтобы оно отделилось сверху белый квадрат в середине, поставил по вдохновению золотое пятно, а внизу прибавил зелени. Что до красного, я понял один секрет: его должно быть очень мало; и посадил на белом, прямо над зелёным, несколько алых пятен. Трудясь, я открывал понемногу, что же я делаю, а это с нами, людьми, бывает редко. Я всё яснее видел, что заново создаю то, что мы сейчас видим — белый домик с жёлтой крышей, летнее небо, зелёную траву, ровный рядок роз. Вот почему они все здесь. Может быть, тебе это будет интересно.

Сказав так, он резко повернулся, и Томми не успел посмотреть, как он прыгает через изгородь. Да и вообще, он не мог бы оторвать взгляда от белого домика.

1912

Дракон, играющий в прятки

Жил-был рыцарь, которого мы можем назвать изгоем, поскольку его отовсюду гнали. Естественно, он скрывался и прятался, так что ему было нелегко ходить по воскресеньям в церковь. Вёл он себя довольно дико, бился, дрался, всё ломал, но воспитание получил хорошее и не хотел пропускать службу. Хитрость и дерзость помогли ему разрешить эту задачу, хотя прихожане пугались, когда на них сыпались многоцветные осколки и сквозь разбитый витраж врывался рыцарь, повисевший немного на химере. Удивлялись они и тогда, когда он падал им на голову с колокольни, где предварительно

Г. К. Честертон
(Д. Ганн. «Беседа». 1932.
Фрагмент)

прятался в одном из колоколов. Наконец, им не очень нравилось, что он прорывал подкоп с кладбища и вылезал уже в храме из-под какой-нибудь плиты. Конечно, им хватало благочестия сделать вид, что ничего не случилось, а некоторым — и справедливости, благодаря которой они признавали, что даже изгой должен как-нибудь попасть в церковь. Однако позже, в городе, они обсуждали всё это, и слухи ползли по стране.

Рыцарь, которого звали сэр Лаврок, настолько обнаглел, что стал появляться на рыночной площади. Мало того, он посетил коронацию и дал королю несколько советов с печной трубы. Иногда, на охоте, король и его свита замечали, что он примостился на дереве, откуда расточает всё те же советы и благодушные пожелания. Естественно, они пытались его поймать, но никак не могли найти, где же он прячется. Признавая за ним бесспорное первенство в игре, именуемой «прятки», они полагали, что при таких наклонностях не стоит развивать этот дар.

Однажды в стране случилась беда, из тех, которые, слава Богу, нам уже не угрожают. У северных границ появилось чудовище, которое мы кратко ради назовём драконом. Оно топтало всё и вся слоновыми ногами, а потом, размяв это в какую-то пасту, облизывало их языком, напоминающим морского змия. Пасть, надо сказать, была у него вроде китовой, только без уса. Ни стрелы, ни ядра его не брали, он был покрыт очень толстым железом. Некоторые считали, что он весь железный, без пустот, а сделал его один просвещённый чародей. Если кто возражал, что не видит ничего просвещённого в умении изготавливать вредоносных чудовищ, его укоряли за отсталость, как правило — до встречи с драконом.

Из чего бы дракон ни состоял, он был явно живой, что доказывал завидным аппетитом и весёлым нравом. Когда он двинулся к столице, топчя дома и замки, король с придворными перебрались на башни, обычные люди — на деревья. Пока он походил на гору, сине-лиловую от дали, можно было поспорить о том, какой способ лучше; но, увидев его вблизи, все быстро решили, что надёжнее — не высоты, а расщелины.

Однако он с козвией резвостью расшвыривал камни, а там — пытливо и споро исследовал ущелья и пещеры огромным языком.

Те, кто висел на скалах, с интересом заметили, что над их головами появился сэр Лаврок, препоясанный мечом, с копьём наперевес, и ветер взметнул, словно пламя, его рыжие волосы. Только он, вечно игравший в прятки, не пытался теперь спрятаться.

— Я не боюсь, — ответил он на испуганные крики. — Что-то, а прятаться я умею. Сейчас я знаю место, куда дракону не попасть.

— Что вы говорите! — возопил лорд-канцлер, вползавший в кроличью норку. — Да он без зазрения совести вошёл в Верховный суд!

— Я знаю здание, — сказал рыцарь, — куда он войти не сможет.

— Эта наглая тварь, — сообщил гофмейстер, — вошла в королевскую спальню.

— Что ж, — отозвался рыцарь, — в эту комнату он не войдёт.

— От него и в пещере не спрятаться! — вскричал из-под земли морской министр.

— Ничего, — заверил рыцарь, — эта пещера для него закрыта.

Дракон тем временем ходил взад-вперёд, словно белый медведь, прикидывая, что бы такое разрушить. Когда он глядел на горы, люди лезли повыше, с удивлением замечая, что рыцарь спускается вниз. Наконец тот спрыгнул на равнину и кинулся к чудовищу.

Что было дальше, никто не понял. Одни закрыли глаза, другие упали ничком, третьи говорили впоследствии, что пыль всё от них скрыла, четвёртые, наконец, — что рыцарь забежал за чудовище, стоявшее в то время задом к ним. Как бы то ни было, рыцарь исчез.

Случилось так, что на склоне стояла третья дочь короля, принцесса Филломела. Прочие члены семьи расположились в высохшем колодце, а она задержалась — и по рассеянности, и по непрактичности. Волосы у неё были светлые и длинные, глаза — синеватые, как небо у горизонта. Обычно она молчала и дремала, но тут оживилась и воскликнула:

— Нашёл! Ах, и правда нашёл!

Дракон, надо сказать, вёл себя очень

странно. Чем важно прогуливаться перед публикой, он прыгал и скакал, хватая лапами воздух.

— Что это с ним? — спросил начальник королевской псарни, склонный к изучению животного мира.

— Он злится, — отвечала принцесса, — потому что рыцарь удачно спрятался.

Видимо, дракон злился и на себя, поскольку он скрёб и терзал свою шкуру, словно собака, ловящая блох.

— Он себя, часом, не прикончит? — с надеждой спросил лорд-канцлер. — Конечно, я не отвечаю за его душу, но замечу, что у него есть причины для раскаяния.

— С чего ему себя убивать? — спросил гофмейстер.

— А с чего бы ему так вертеться? — откликнулся лорд-канцлер.

— Дело в том, — сказала принцесса, — что сэр Лаврок хорошо спрятался.

Пока она это говорила, дракон как бы раздвоился: одна пара ног стояла спокойно, другая просто лягалась; один глаз бешено вращался, другой обрёл ту кротость, с какою глядит сонная корова. Потом, обретя единство стили, дракон повернулся и затрусил прочь благодушной рысцой.

Началась последняя глава нашей саги, ещё более странная, чем самые дикие злодеяния загадочного чудовища. Дракон никого не трогал; он всех пропускал вперёд; он (правда, не без труда) перешёл на растительную пищу. Осторожно следуя за ним, толпа вошла в столицу и совсем уж удивилась, поскольку он направился к церкви. Там он преклонил колени и, как ни странно, открыл пасть, а принцесса туда нырнула.

Самые умные догадались, что внутри сидит рыцарь; но отчёт наш обращён именно к умным, и мы не будем объяснять им внутреннее устройство дракона, равно как и смысл всей истории. Скажем только, что свадьбу сыграли в драконе, ведь он находился в церкви, а они уж сами поймут, что хотела сказать принцесса, когда воскликнула: «Мир очень изменится, если в нём сможет спрятаться рыцарь».

Канцлер и гофмейстер её не поняли.

1924

Перевод с английского
Натальи Трауберг

В ОДНОМ ОБЪЯТЬЕ

Григорий Корин

Фотокарточка

Изъеден пылью душной мастерской,
Должно быть, он хватил

на рынке чачи,

И там фотограф поманил рукой,
Отцу желая всяческой удачи.

Не мог его обидеть мой отец,
Калеку фронтového с бычьей шеей,
Изображение — жизни всей венец, —
Глядит отец со снимка всё грустнее.

Обритый череп холоден, широк,
Отёрт от пыли по дороге к рынку.
Я помню, как взошёл он на порог
И радовался крохотному снимку.

И матери показывал, и нам
Себя на глянцеви́то-серой глади,
И по рублю совал нам, пацанам,
И всех троих собрал в одном объятье.

Таким ли всем запомниться хотел
Он, шерстобит единственный в округе,
И взор его до поздней ночи рдел,
И вспоминал он о калекке друге.

Портрет один-единственный отца
От жизни всей остался. В телогрейке
Расстёгнутой. В чертах его лица —
Смушение от пропитой копейки.

Я вернул золотое время
Из карманных часов отца,
Словно сел в золотое стремя,
И уже не догнать гонца.
Так предсказывали стрелки
Мне грядущее время моё,
Побывали в такой переделке,
Что казалось — кончено всё.
Я закрыл золотые крышки
Воскрешённых часов Буре
И услышал без передышки
Обращённый зов на заре —
Сверх не будет ни дня, ни минуты,

Сколько б я ни просил, не дадут,
И не выйду, не спрячусь от смуты,
Ей вовек не кончиться тут.
Да и звон — золотой отголосок,
Звук небес в голубой вышине,
Неоконченный кем-то набросок —
Сон в дороге, приснившийся мне.
А предстать придётся пред Богом
Вместе с матерью, с братом моим —
Звон проснётся в кармане глубоком:
Бьют часы наш домашний гимн.
И летим мы из сказочной книжки,
Одержимы желаньем одним,
И раскрыты два солнца — две крышки:
Жар небесный с притихшим земным.

Матери

Ты лежала в чёрно-белом,
Белая на чёрном нить...
Стены пахнут твоим телом,
Это трудно пережить.

Сколько минуло событий,
Перестраивался дом,
Но внезапно в белой нити —
Запах о былом живом.

И в оборванных обоях
Снова оживёт стена.
Как же разминусь с тобою,
Подскажи мне, ты одна.

Позабыта белым светом,
У кладбищенских ворот
Смотришь целый день с портрета —
Может, кто-нибудь придёт.

Хлеб

Знал своё святое место
Около стола,
Там ведро стояло с тестом,
Мать нам хлеб пекла.

Я всегда был с нею рядом
И свой хлеб месил,

С каждым материнским взглядом
Прибавлялось сил.

Из хлебов больших, округлых
Мой был меньше всех,
Но дышал в руках он смуглых,
Подымаясь вверх.

И пока месила мама,
Малые хлеба росли,
Я своё творил упрямо,
Шесть округлышей взошли.

И пока не гасла печка,
Шесть хлебов моих
Освещала в своде свечка —
Жарких, золотых.

Я стоял на табурете, —
Хлебушки мои
Золотились в тусклом свете
Корочкой любви.

Гордость всей моей недели,
Материнский дар
С ночи был со мной в постели
И хранил свой жар.

Ничего от дома отчего,
Ни накидки, ни ржавой грелки —
Два листочка с дерева сочного
На одной и другой тарелке.

Это всё, что осталось в наследие,
И храню две тарелки десертные,
Как осколки хранят последние,
В них прозрев и своё бессмертие.

В двух руках я держу их, опасливо
Ставлю где-нибудь, только не с краю,

Григорий Александрович Корин —
старейший автор нашей
поэтической рубрики

И смотрю, и душа моя счастлива,
Со стола я их сам убираю.

А случится, из рук моей суженой
Зелень брызнет в глаза мне с тарелки,
И хватаю фаянс, как разбуженный
Материнский венец, хрупкий, мелкий.

Как боюсь чьей-то неосторожности
И порой прячу их, всё богатство, —
Две тарелки божественной скромности
Со стола малышоваго братства.

* * *

Только этот день! Другой
Может тьмы не пересилить
И в ночёвке роковой
Звёздный свет в помойку вылить.

Только этот день! В пурге,
В замяти, в жарнице жгучей
От беды на волоске,
Проволокой сжат колючей.

Только этот день. За ним
Может, дня не будет лучше,
Вот его и сохраним,
В нём лишь — всё благополучье.

Только этот день! Его
Ты осиль, закрытый тучей,
И получишь сверх него —
Всё получишь, невезучий.

Птицы

Окна, в которые я смотрел
до самой моей кончины,
Всегда завлекали птиц
по самой простой причине —
Бесхитростные, они здесь
всегда находили кормушку,
И обрадовать я мог
даже требовательную пичужку.
Поколения многих птиц
под моими окнами вились,
Даже дятел поутру пред окном
во весь рост свой вылез.
Царских птиц и народу простого
набиралось от года к году,
И любил я смотреть на них
в день любой и любую погоду.
Мои окна за много лет
много раз меняли прописку,

Но моих бескорыстных друзей
не подверг я ни разу риску.
Сколько их поменялось за жизнь,
сколько выжило поколений,
Ускользавших от окон моих
через окна моих сновидений.
Боже! Были они мне родней
меж землёй и Твоим занебесьем,
И казались рулады порой
мне зачинами ангельских песен.
Я библейский их слог принимал,
словно вздох изначальный Завета —
Потому я сидел у окна
и премудрость их слушал с рассвета.
Были мне они близкой родней,
нитью, вечно связующей с Богом,
И всегда я выглядывал их за окном,
уходя — за порогом.
Божий дом, моё небо и дом моих птиц —
мы давно поравнялись домами.
В чистых окнах всегда
ярче пламень зарниц
и светлей небеса с облаками.

Сорок дней

Если сорок дней душе
По моим костям томиться,
На последнем рубеже
Не забудьте помолиться, —

С нею мало кто дружил,
Да и с кем была знакома...
С чёрной каплею чернил
И углом чужого дома.

Пела с кем, стенала с кем
Ты, отшельница с рожденья?
Так и улетишь ни с чем
В миг, в минуту отчужденья.

Слава Богу! Горевать
Будут обо мне не много.
Там найдёшь мою тетрадь,
В ней послание для Бога.

Косточки за сорок дней
Охладит земля сырая.
Станет и душе видней,
Что взяла, не выбирая.

* * *

Узри, узри, слепые
Прозорливее нас,

Их бельма восковые
Хранят для света лаз.

Узри, узри, глухие
Не потеряли слух,
Порой уста сухие
Легки, как Божий Дух.

Узри, узри, безумцы
Умней спесивых нас,
Они не себялюбцы
И встретят звёздный час.

Узри, узри, калеки
С протянутой рукой
Дойдут до самой Мекки
И там найдут покой.

* * *

Тихий рембрандтовский
отблеск багровый,
Жилистый камень и тускло-пунцовый —
Мрамор полётший гладко-суровый,
Гроб то Господний, Гроб то Христовый.
Тяжко пролез я, цепляясь за камень.
В гроб я вошёл,
В шесть свечей бился пламень.
Он угасал, освещая кругами
Выступы, скрытые тщетно веками.
Свечки поставил, и занялись сами,
Край всей пещеры светил облаками.
Руки вдыхали от каменной глади
Тихую сухость заветной тетради.
Тут оглянулся — и вижу в пещере
Взор Магдалины, проникший из щели.
Ангельской тени размах журавлиный —
То были крылья самой Магдалины.
Больше полвека ко Гробу Господню
Шёл я, ломая свою преисподнюю.
Дальше не помню. Лежала у гроба.
Плакал один. Или плакали оба.

* * *

Забудь, забудь...
И только это помни:
Есть Божий путь,
И ты в пути — паломник.

Забудь, забудь...
Не помни душевных комнат.
Себя избудь
В стенах своих, паломник.

Забудь, забудь...
Весь этот мир огромный,

Он весь по грудь
Во тьме погряз содомной.

Забудь, забудь...
Весь путь его погромный,
Всю словоблудь —
Забудь его, паломник.

Забудь, забудь...
И только это помни:
Есть Божий путь,
И ты в пути, паломник.

Свеча Иерусалима

Ирине

Близка моя пора,
Она необратима,
Найди же, будь добра,
Свечу Иерусалима.

Её на миг зажёт,
У Гроба встав Господня, —
И скрылся фитилёк.
Зажги свечу сегодня.

Там пять её сестёр
Сошлись, покамест эта
Взошла на свой костёр
С венцом дрожащим света.

И хрупкий этот свет
Стал светом жизни новой,
В нём скрылись Магомет,
Христос и Иегова.

Не дай свече сгореть,
Твоя в ней половина,
Оставь хотя бы треть,
Ты вся стоишь в руинах.

Пускай в последний миг
В ней появлюсь я зримо
И нас простит двоих
Свеча Иерусалима.

Господень тёплый луч
Открылся мне у гроба,
Смотри, он выше туч,
Пока мы живы оба.

Мой дар тебе пронёс
По гибельной дороге
И слышал трепет звёзд,
Мольбу небес о Боге. †

Выставка «Арнольд Шёнберг — Василий Кандинский. Диалог музыки и живописи», прошедшая недавно в Третьяковской галерее, открыла грандиозный Шёнберговский фестиваль в Москве, посвящённый 50-летию со дня кончины великого композитора, снискавшего признание ещё и как художник

АРНОЛЬД ШЁНБЕРГ ЖИВОПИСЕЦ

Владимир Соколовский

ВИДЕНИЕ ХРИСТА

«Современный человек, пройдя через материализм, социализм и анархию, несмотря на свой атеизм, всё же сохраняет в себе какие-то крохи старой веры (в форме суеверия). Он борется с Богом... и наконец обретает Бога и становится религиозным. Учится молиться!» Это слова знаменитого австрийского композитора Арнольда Шёнберга из его письма, написанного в конце 1912 г. немецкому поэту Рихарду Демелю, с которым он поделился своим замыслом религиозно-мистической оратории «Лестница Иакова». Шёнберг придавал особое значение этому произведению, ибо стремился выразить в нём своё религиозно-мистическое мировоззрение, глубокую убеждённость в том, что «вера является единственным спасением человека в годы войны и невзгод».

Для Шёнберга то был особенно трудный период, переломный момент в его творчестве: отказавшись от традиционной тоновой системы в музы-

ке, он обратился к атональности. У многих коллег это вызвало непонимание, со стороны критики началась яростная травля, и на некоторое время Шёнберг оказался почти в полной изоляции в музыкальном мире.

Одним из немногих, кто тогда оценил новаторскую сущность музыки Шёнберга, был выдающийся русский художник Василий Кандинский. Услышав на одном из концертов несколько новых атональных произведений Шёнберга, он был восхищён его музыкой, усмотрев в ней глубокое духовное родство со своей собственной абстрактной живописью. Он написал композитору восторженное письмо. Между Шёнбергом и Кандинским завязалась переписка, которая положила начало крепкой дружбе и творческому сотрудничеству.

Истории их взаимоотношений и была посвящена выставка в Третьяковской галерее. Зрители увидели 39 картин, гравюр и рисунков Василия Кандинского и 66 живописных и графических произведений Арнольда Шёнберга.

Среди произведений Кандинского доминировали работы, созданные им в 1910-е годы. Для Кандинского это также был поворотный период в творчестве: он отказывался от фигуративности и выходил в сферы абстракции. Его первые абстрактные опыты тоже вызвали вначале негативную реакцию множества коллег, в том числе и ряда художников-новаторов. Это стало причиной выхода Кандинского с группой единомышленников из Нового Мюнхенского Объединения Художников, одним из основателей которого он был. Кандинский и его друзья создают в Мюнхене объединение «Синий Всадник», ставшее одним из крупнейших объединений художников-экспрессионистов в Германии. На выставке в Третьяковке экспонировалась одна из первых абстрактных работ Кандинского — «Композиция 7», фотографию которой он отправил Шёнбергу вместе с одним из писем для того, чтобы дать ему представление о своей живописи.

Творческое наследие Шёнберга насчитывает 268 картин, эскизов и рисунков, большая часть которых создана в 1910-е годы. При всём сюжетном многообразии его картины объединя-

СЛЁЗЫ

АВТОПОРТРЕТ, 1935

ет глубокая внутренняя связь. Всюду доминирует свет — метафора всепроникающего духовного начала. Главный мотив у Шёнберга — человеческое лицо как выражение жизни человеческого духа.

Уже в одной из ранних работ — знаменитом «Синем автопортрете»

словно озарённое внутренним сиянием. Чёткая скульптурная лепка становится метафорой твёрдости и решительности характера, в то время как богато нюансированные световые эффекты вбирают в себя тончайшие душевные движения. Внутренний духовный свет словно проецируется в окружающее пространство. Оранжевые блики находят своё продолжение в ровно окрашенном оранжевом фоне, а беловатые отблески сгущаются в сплошное белое пятно воротничка.

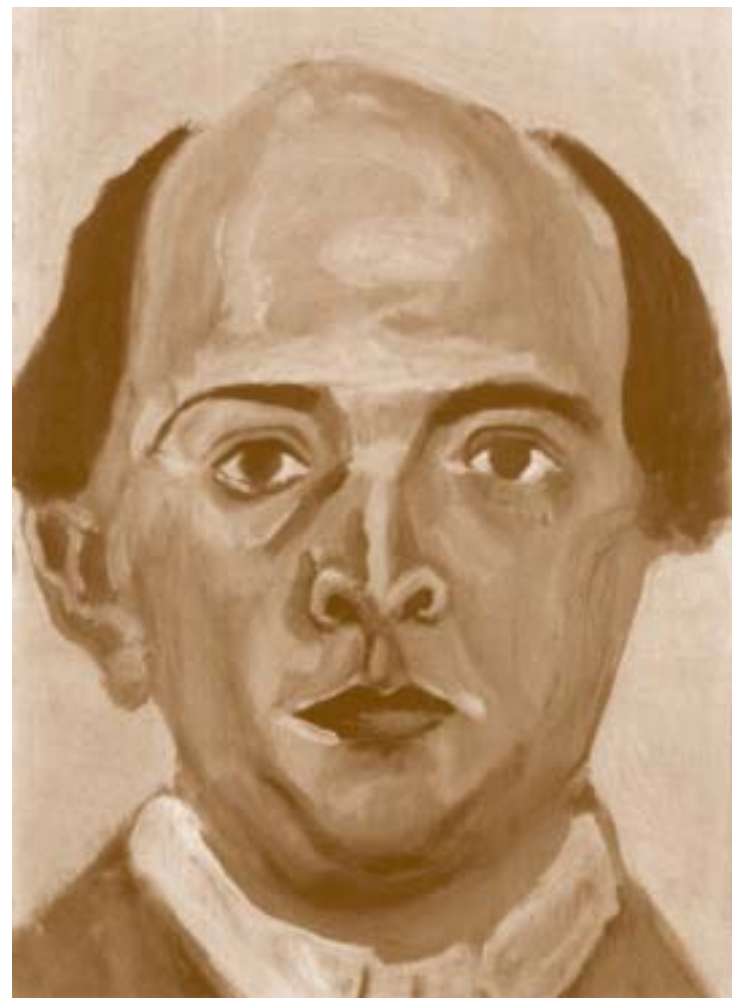
каждое из них получает соответствующее цветовое оформление.

Наряду с автопортретами Шёнберга создал превосходные портреты своих друзей и близких, например, Александра фон Цеблинского, у которого он брал уроки композиции, Альбана Берга — своего ученика и последователя (это изображение считается лучшим из портретов Берга). С особым пиететом Шёнберга относился к Густаву Малеру, который был не только его духовным наставником в музыке, но и

его изображение уподоблено нерукотворному образу Христа на плате св. Вероники. Лицо Малера, выступающее из холодноватого светло-коричневого фона, обладает пластичностью посмертной маски и одновременно наделяется сверхъестественным свечением, придающим ему призрачный характер. Композитор словно смотрит на зрителя из потусторонней, надмирной реальности.

От Густава Малера Шёнберга унаследовал особо почтительное отношение

вания человека — от высочайшего духовного подъёма и экстатического восторга до глубокого отчаяния и тоски. И в одном из портретов — «Портрете мужчины с бородой» — Шёнберга воспроизвёл черты лица великого русского писателя. Здесь он вновь использует композиционную схему нерукотворного образа. Исполненное света лицо как бы свободно парит в окружающем пространстве, освещая его. Средоточием этого внутреннего света становятся глаза.

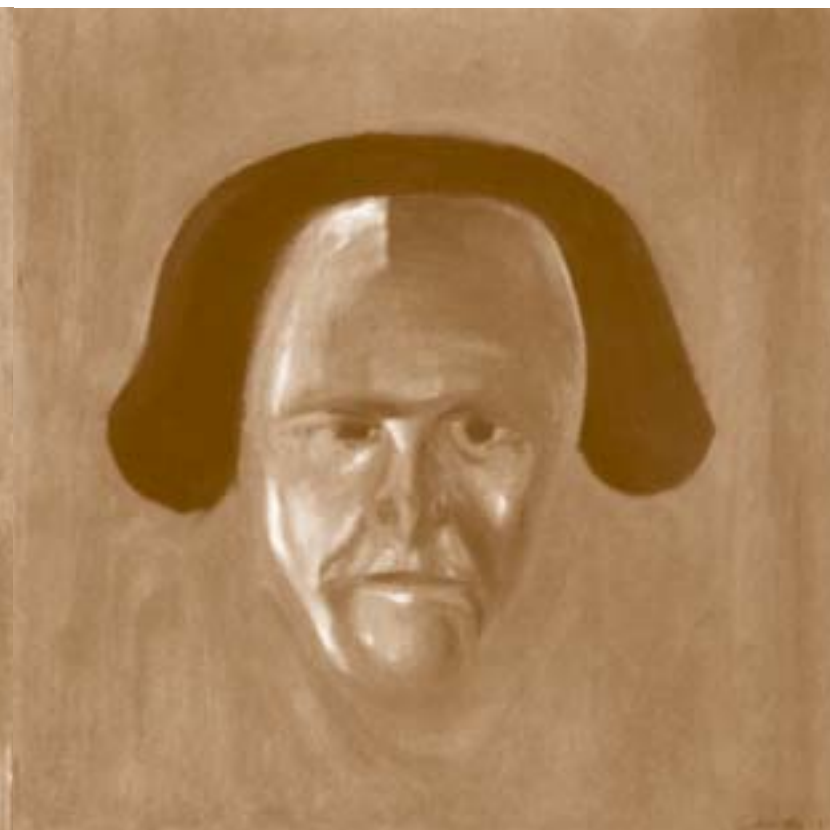
СИНИЙ АВТОПОРТРЕТ. 1910

ПОРТРЕТ МУЖЧИНЫ С БОРОДОЙ

АВТОПОРТРЕТ. 1910

ГУСТАВ МАЛЕР. 1910

(1910) явственно проступает сформировавшийся индивидуальный творческий метод. Нанося на тёмную поверхность лёгкие светлые мазки (а в некоторых местах, напротив, сгущая ведущий тёмный тон основы), Шёнберга придаёт чертам своего лица особую пластичность. И одновременно заставляет лицо светиться,

Взгляд Шёнберга направлен вверх и вдаль, подчёркивая устремлённость горе и дар пророческого предвидения. Само название автопортрета свидетельствует о пристальном внимании Шёнберга к психологической символике света (которая составляла особый интерес и для Кандинского). Шёнберга оставил множество автопортретов, подобных дневниковым записям, в которых фиксируются различные оттенки душевных состояний, и

не раз материально помогал Шёнбергу в особо трудные моменты. Шёнберга почитал Малера святым. Он очень тяжело переживал его кончину, по поводу которой писал вдове композитора Альме Малер: «Я больше не чувствую, что Вена ещё существует... если Малера в Вене нет, то почти нет больше и Вены». В посмертном портрете Малера, где волосы, собранные в виде сплошной чёрной полосы, как нимб окружают голову композитора,

к Достоевскому, духовному отцу экспрессионизма — течения, ярким представителем которого как в музыке, так и в живописи был сам Шёнберга. Малер считал, что для композитора наследие Достоевского изучать не менее важно, чем контрапункт, и писал об этом Шёнбергу в одном из писем. Шёнбергу глубоко импонировало творчество Достоевского, с особой остротой и пронзительностью передававшего самые разные душевные состояния и пережи-

Известно, что, общаясь с человеком, Шёнберга всё внимание сосредотачивал на глазах, опуская остальное. Большой цикл его живописных работ так и называется «Видения и взгляды». В отличие от автопортретов и портретов, в очень экспрессивной форме запечатлевших внешние черты человека, это — подлинные эманации человеческой души, с которой совлечены телесные покровы. Они излучают такую духовность, что порой обре-

ВИДЕНИЕ ХРИСТА. 1919

тают сходство с иконописными ликами. Таков относящийся к этой серии «Автопортрет» (1910) Шёнберга, где лицо обладает сходством с желтовато-красным пламенем свечи, а его лёгкий отблеск вокруг головы подобен нимбу. В картине «Слёзы» лицо с легко узнаваемыми чертами самого Шёнберга приобретает облик некой фантасти-

Художник идёт по пути всё большего обнажения духовной первоосновы человеческой личности. В «Мышлении» живописное пространство предстаёт как единый переливающийся световой поток. А в картине «Видение (глаза) — Посвящение Оскару Кокошке» из некой звёздной пыли выступают два глаза: один — потрясённо рас-

пахнутый навстречу окружающему миру, а другой — закрытый, выражающий предельное самоуглубление. Это как символ двух взаимосвязанных компонентов творческого процесса. Глаза для Шёнберга были всегда метафорой духовного видения.

Но вот в «Автопортрете» 1911 г. появляется ещё один очень важный для

КРАСНЫЙ ВЗГЛЯД. 1910

ческой собаки, у которой шерсть расходится лучами вокруг наполненных слезами глаз. Создавая эти лики вдохновения, печали и страдания, Шёнберг словно живописно прорабатывал возникавшие в его душе образы оратории «Лестница Иакова», над текстом которой он в то время работал, — эти образы ещё не получили музыкального воплощения. Одно из самых замечательных — «Видение Христа» (1919), где Спаситель изображён с горящим взглядом огромных глаз на измождённом лице. Шёнберг в то время явно чувствовал себя как бы Христом, выведенным на суд перед невежественной толпой или рассуждающим с Пилатом об Истине.

ВИДЕНИЕ (ГЛАЗА) — ПОСВЯЩЕНИЕ ОСКАРУ КОКОШКЕ

него духовный символ. Повернувшись к зрителю спиной, он медленно идёт по ведущей вверх аллее парка. Поднимающаяся вверх дорога вызывает аллюзию со всё тем же библейским символом лестницы Иакова и становится метафорой духовного подъёма. Такие же образы подъёма, устремлённости ввысь являются в пейзажах Шёнберга. И особенно выразительно — в том, где изображена уходящая в небо ночная улица. По обеим её сторонам стоят фонари, подобные зажжённым свечам, а само ночное небо чудесно преображено под воздействием всепроникающего света.

Несмотря на тяжесть переживаний, испытанных им в то время, Шёнберг продолжал упорно работать. Силу и стойкость он черпал в глубокой вере. В своём художническом подвиге Шёнберг словно вдохновлялся словами Бога, обращёнными к ветхозаветному патриарху Иакову: «И вот, Я с тобою; и

БИБЛЕЙСКИЙ ПУТЬ. ЭСКИЗ

НОЧНОЙ ПЕЙЗАЖ. 1910

сохраню тебя везде, куда ты ни пойдёшь... ибо Я не оставлю тебя, доколе не исполню того, что Я сказал тебе» (Быт 28. 15). Шёнберга поддерживала и глубокая убежденность в том, что «производимое человеком художественное создание» является «величайшим творением Бога».

В экспозицию в Третьяковке были включены эскизы сценографий Шёнберга к собственным музыкальным драмам «Ожидание» и «Счастливая рука», над которыми он в то время работал. В эскизах к «Ожиданию» перед нами всё тот же образ устремлённой

АВТОПОРТРЕТ. 1911

вверх дороги, но теперь уже пролегающей сквозь мрачный дремучий лес. В акварельном эскизе дорога написана мелкими, почти точечными разноцветными мазками и сверкает, подобно мозаике. А в рисунке тушью дорога устремлённым вверх клином рассекает сплошное чёрное пятно леса, превращаясь в образ света — той силы, которая не даёт человеку утратить духовное видение, потеряться во тьме окружающего мира.

Один из эскизов к драме «Счастливая рука» — две окружённые сиянием руки, соединённые в рукопожатии, — приобретает знаковый характер для концепции всей выставки. Кандинский протянул Шёнбергу руку помощи в трудный час, высоко оценил его и как композитора, и как живописца. По приглашению Кандинского Шёнберг принял участие в первой художественной

СЧАСТЛИВАЯ РУКА. 1911. ЭСКИЗ

выставке «Синего Всадника», где его произведения были представлены среди сорока трёх картин немецких, русских и французских художников — Кандинского, Франца Марка, Габрэле Мюнтер, братьев Давида и Владимира Бурлюков, Анри Руссо, Робера Делоне... В единственном выпуске альманаха «Синий Всадник», изданном в 1912 г., была опубликована большая статья Шёнберга о музыке и воспроизведены две его живописные работы. В книге «Об Арнольде Шёнберге — с глубоким почтением», изданной тогда же в Мюнхене, Василий Кандинский отмечал: «Шёнберг пишет не для того, чтобы написать “красиво”, “привлекательно” и т. д., при письме он, собственно, о самой картине и не думает. Не заботясь об объективном результате, он старается фиксировать только субъективное “ощущение”, и нужны ему при этом только те средства, которые в данный момент кажутся ему абсолютно необходимыми. Не каждый профессиональный художник может похвастаться творчеством такого рода... Мы видим, что в каждой картине Шёнбер-

га внутреннее стремление художника находит нужную для него форму. Так же, как в музыке (насколько мне как дилетанту позволено судить), Шёнберг и в живописи отказывается от излишнего (то есть вредного) и прямоком идёт к существенному (то есть необходимому)».

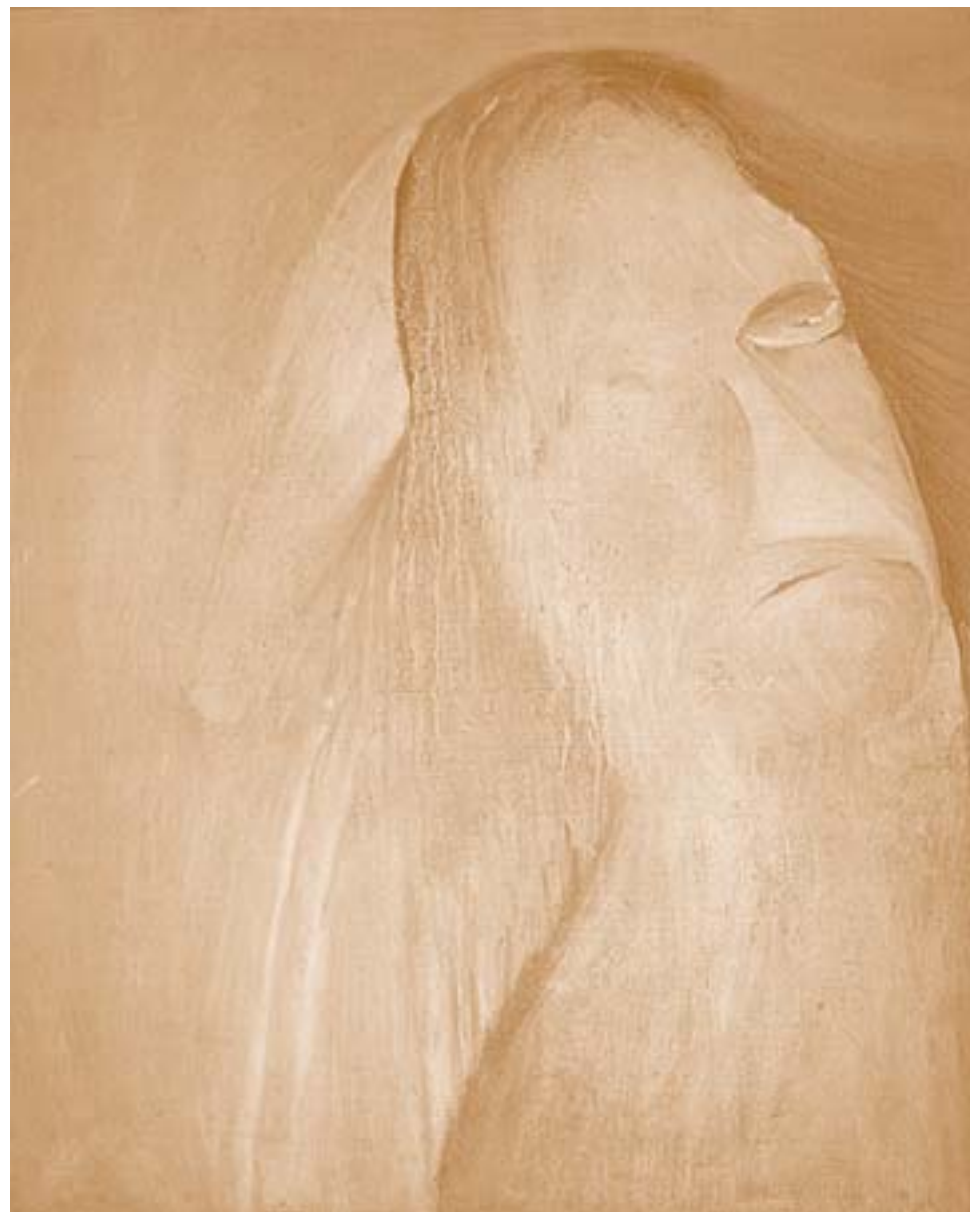
Ныне Шёнберг как живописец имеет в Европе и США давно и прочно утвердившуюся высокую репутацию. Он упоминается во всех обзорениях изобразительного искусства, издаваемых на Западе. В конце 60–70-х гг. итальянское издательство «Фрателли Фаббри» выпустило серии великолепно иллюстрированных художественных альбомов, посвящённых разным направлениям мирового искусства XIX–XX вв. Одновременно параллельное издание

этих альбомов на английском, французском, немецком и итальянском языках осуществили ведущие издательства Европы и США. В альбоме «Кандинский и Синий Всадник» (автор — Мариза Вольпи-Орландини) крупным планом была воспроизведена картина Шёнберга «Красный взгляд», которая экспонировалась и на выставке в Третьяковской галерее.

СЧАСТЛИВАЯ РУКА. ЭСКИЗ

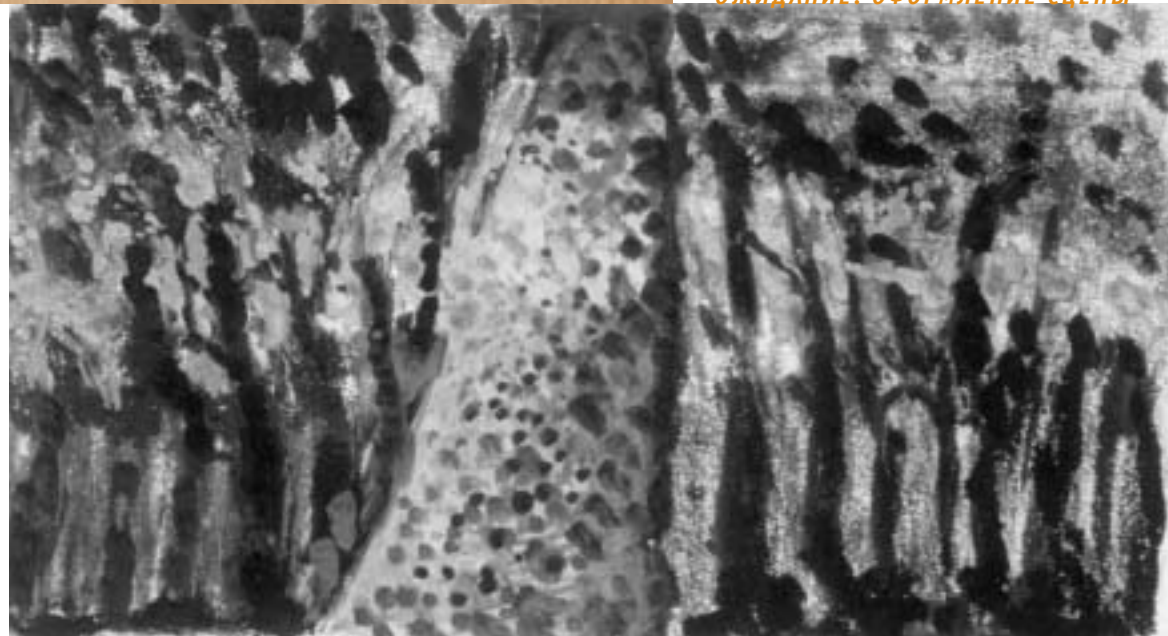
ВИДЕНИЕ

В 1986 г. в Вене и Мюнхене вышла книга Патрика Веркнера «Тело и душа. Ранний австрийский экспрессионизм», где живописному творчеству Шёнберга посвящён специальный раздел — наравне с такими корифеями австрийской живописи начала XX в., как Рихард Герстль, Оскар Кокошка, Эгон Шиле и Альфред Кубин. В 1973 г. в Мюнхене была издана монография Эберхардта Фрайтага «Шёнберг как живописец». В 60–70 гг. крупные выставки живописных и графических работ Шёнберга прошли во Флоренции, Вене, Берлине, Венеции. А в 1991 г. австрийское издательство «Риттер» (Клагенфурт) выпустило первый общий каталог живописного наследия Арнольда Шёнберга, составленный Томасом Цаунширмом в связи с ретроспективой картин Шёнберга в Музее современного искусства Фонда Людвиг в Вене.

В конце 2001 г. московский Издательский дом «Композитор» выпустил первую монографию о Шёнберге на русском языке, написанную автором из Львова Стефанией Павлишин. Книга стала её докторской диссертацией. Ряд страниц монографии специально посвящён анализу его живописного наследия.

Ну, а выставка в Третьяковской галерее, наряду с прошедшей ранее в Санкт-Петербурге выставкой «Шёнберг и русский авангард», способствовала открытию яркого и самобытного живописного дарования Арнольда Шёнберга для широкого российского зрителя. †

ОЖИДАНИЕ. ОФОРМЛЕНИЕ СЦЕНЫ

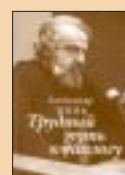
КОЛЕНОПРЕКЛОНЁННЫЙ ХРИСТОС

НОВЫЕ КНИГИ

Кардинал Жан Мари Люстиже Месса

В основу книги кардинала Люстиже, архиепископа Парижа, одного из самых видных современных иерархов Католической Церкви, положены его беседы о Божественной Литургии римского обряда, прозвучавшие на радио «Нотр-Дам».

Александр Мень Трудный путь к диалогу

В сборник вошли статьи и эссе, большая часть которых публиковалась в 1988–1990 гг. Собранные вместе, они отражают напряжённые размышления протоиерея Александра Менья о судьбах страны, путях её развития.

Тамара Жирмунская Короткая пробежка

Поэт и прозаик Тамара Жирмунская обращается к своим старым и новым читателям с книгой избранного. Это книга о любви, носит автобиографический и мемуарный характер.

«Истина и Жизнь»

Подписка принимается во всех отделениях связи России и стран СНГ Подписной индекс журнала в каталоге агентства «Роспечать»

72659

Подписку можно также оформить непосредственно в редакции

СОВЕТУЕМ ПРОЧИТАТЬ

Протоиерей Александр Мень В поисках Пути, Истины и Жизни I. Истоки религии

Без проникновения в самый дух вероучений, без частичного отождествления себя с их исповедниками невозможно ничего понять в сущности религий.

Джим Форест Живущий в премудрости

Книга Джима Фореста — не просто описание трудов и дней всемирно известного поэта, прозаика, эссеиста Томаса Мертона.

Фома Кемпийский О подражании Христу

Цель автора этой книги — умиротворить твою душу и научить тебя следовать Христу, Который родился в Вифлееме ради нашего спасения и умер за нас.

Георгий Чистяков Над строками Нового Завета 2-е издание

Священник Георгий Чистяков размышляет над синоптическими Евангелиями — от Матфея, от Марка и от Луки.

Эти книги можно купить в редакции и заказать по адресам: 105215, Москва, а/я 38 или e-mail: istina@aha.ru

СКОРО ВЫЙДЕТ В СВЕТ

Неожиданный Честертон

Выходит в свет сборник «Неожиданный Честертон» (М.: Истина и Жизнь, 2002). В него вошли важные для сегодняшнего читателя эссе («Необходимый Честертон»), рассказы («Незамеченный Честертон»), а также разделы «Неоконченный Честертон», «Неизвестный Честертон» и его стихи — как эпиграфы к каждому разделу.

«ИСТИНА И ЖИЗНЬ» в Европе

Дорогие читатели! Если вы живёте в Европе и хотите получать наш журнал, обратитесь в Общество друзей «Истины и Жизни», созданное во Франции. Оно имеет счёт для оплаты подписки и перечисления пожертвований.

ЖУРНАЛ «ИСТИНА И ЖИЗНЬ» ВСЕГДА МОЖНО КУПИТЬ

Москва Редакция журнала «Истина и Жизнь» ул. 9-я Парковая, д. 37, офис 409
Магазин «Паолине» ул. Б. Никитская, д. 26
Киоск храма свв. бесср. Космы и Дамиана в Шубине Столешников пер., д. 2

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

Наталья Ларина.

Нестыдно жить

Галина Бирчанская.

Возвращение маэстро

(встреча с цыганским скрипачом

Сергеем Эрденко)

Священник Александр Шантаев.

Приходские картинки

Максим Гуреев.

Обречённый тайным страданиям

(о П. Я. Чаадаеве)

Александр К. Дианин-Хавард.

Блаженный Хосемария Эскрива

и «новая русская идея»

Лев Дьяков.

Тайны Коломенского

Мария Чегодаева.

«Кровь, за многих изливаемая...»

Тайная Вечера в творчестве

современных художников

*Выписывайте и читайте «Истину и Жизнь» —
ежемесячный журнал о человеке и обществе,
о духовности и культуре в России и мире*

Арнольд Шёнберг. Ожидание.
Из цикла публикаций «Христианское искусство».
Владимир Соколовский.
«Арнольд Шёнберг — живописец» (с. 54)